

18+

ОХОТНИК

КРАСАВИЦЫ БОСТОНА

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л.ДЖ.ШЭН

Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн

Л. Дж. Шэн

Красавицы Бостона. Охотник

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шэн Л.

Красавицы Бостона. Охотник / Л. Шэн — «Эксмо»,
2021 — (Freedom. Интернет-бестселлеры Л. Дж. Шэн)

ISBN 978-5-04-186823-9

Хантер Я не хотел снова попасть в неприятности, ясно? Но это случилось. Поэтому отец приговорил меня к шести месяцам целомудрия, трезвости и невыносимой скуки под присмотром самой занудной девушки в Бостоне — Сейлор Бреннан. Надоедливая недотрога должна нянчиться с моей задницей, пока я учусь, чтобы проложить себе путь в нефтяной компании моей семьи. Но она не знает, что еще одна тропинка, которую я собираюсь протоптать, лежит к ее сердцу. Сейлор Я не хотела наниматься нянькой, понятно? Но сделка была слишком выгодной, чтобы от нее отказаться. Мне нужны связи и общественное признание, а Хантеру — воспитательница. Кроме того, что такое шесть месяцев? Я точно не влюблюсь в одного из самых красивых, харизматичных и богатых холостяков Бостона. Даже если придется потерять все, что у меня есть.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-186823-9

© Шэн Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	8
Первая	10
Вторая	19
Третья	25
Четвертая	34
Пятая	41
Шестая	51
Седьмая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Л. Дж. Шэн Красавицы Бостона ОХОТНИК

L.J. Shen

THE HUNTER

Copyright © 2021. THE HUNTER by L.J. Shen

© Мчедлова В.Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Адаптация дизайна Оскаровой К.

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации: © AVA Bitter, OlgaSiv, BelozerArt, Merfin, Lelly_arty /Shutterstock.com

В оформлении переплета использованы иллюстрации: © rangizzz, tomertu, Nikolay Ostanin, MeSamong, Serg-DAV, mouu007 / Shutterstock.com

* * *

Посвящается Ямине Кирки и Нине Делфс.

Спасибо за то, что вы такие воистину невероятные.

«Надеюсь, она вырастет дурочкой. В нашем мире для девушки самое лучшее – быть хорошенькой дурочкой».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд, «Великий Гэтсби».

Однако в этой истории она вовсе не дурочка.

Плейлист

«A Little Party Never Killed Nobody» – Fergie
«The Quiet Things That No One Ever Knows» – Brand New
«Kill and Run» – Sia

«Truly, Madly, Deeply» – Savage Garden
«One Armed Scissor» – At The Drive-in
«When You Were Young» – The Killers
«Lullaby» – The Cure

Пролог

Когда-то давным-давно был на свете волшебный замок, в котором зачахло все, кроме души одного мальчишки.

Ему было шесть, когда девочка встретила его.

Она приехала со своей матерью, чтобы приготовить праздничный обед для его семьи. Девочка бродила по коридорам, скользя по мраморным полам его особняка в одних носках. Ей было пять – она слишком юна, чтобы по достоинству оценить величественные арки и внутренние дворики, полные роз. Она скользила туда-сюда, убивая время, пока не освободится мама, а за окном гремел гром.

Стояла одна из тех неумолимых и длинных зим, о которых бостонцы судачат еще много лет спустя. Темное небо колючими иглами обрушивало на замок потоки града, ледяной дождь грозно стучал по выпуклым окнам. Девочка, скользя по полу, добралась до одного из готических окон и прижала ладонь к холодному стеклу.

Она удивилась, увидев маленький темный силуэт, лежащий на шезлонге возле бассейна прямо под дождем. Мальчик. Он лежал совершенно неподвижно, не противясь обрушивавшемуся на него ливню. Безо всякого сопротивления принимал жесткие удары града по коже.

Перепугавшись, девочка принялась барабанить по стеклу. А вдруг он ранен? Потерял сознание? Умер? Понимала ли она, что означает смерть? Порой она слышала о ней, когда родители думали, что она их не слушает.

Девочка принялась стучать сильнее. Мальчик медленно, почти лениво повернул к ней голову, будто бы она была пустым местом.

Его серо-голубые глаза посмотрели в ее зеленые.

– Зайди в дом! – прокричала она, озираясь вокруг в поисках дверной ручки.

Мальчик помотал головой.

– Ну пожалуйста! – Девочка почти плакала.

– Меня отсылают прочь. – Она прочла по губам, но не могла его услышать. – Я уезжаю.

– Куда? Куда ты уезжаешь? – спросила она.

Но мальчик попросту отвернулся, подняв лицо к небу и принимая хлесткие удары града.

Она заметила, что его глаза были открыты. Проследила за его взглядом, устремленным в черную бархатную ночь. На небе не было луны. Как и солнца. Земля казалась ужасно одинокой, когда за ней не приглядывало ни одно из светил.

Девочка задумалась: что будет, если солнце поцелует луну?

Она даже не догадывалась, что однажды найдет ответ на этот вопрос.

И что даст ей его именно этот одинокий мальчик.

Первая

Хантер

Настоящее время

– Пора просыпаться, членистоногое, – объявил мой друг, он же ангел на моем плече, Найт Коул.

Носок его кроссовки от Margiela¹ ткнул меня в спину.

Судя по твердой поверхности под ноющими мышцами, я сообразил, что снова вырубился на полу. А по неприятному ощущению в паху вкупе с легким ветерком, пробежавшим по моему аккуратно подстриженному лобку, понял, что прошлой ночью совал член в отверстия, в которые его совать не следовало, и к тому же был абсолютно голым.

Я застонал, зажмурился и, перевернувшись, оказался на чужом теплом, обнаженном теле. Сиськи. Я нащупал сиськи. Симпатичные, пышные и натуральные. Не открывая глаз, я взял сосок в рот и принялся лениво его посасывать.

– Тебе кофе к молоку подать? – вслух поинтересовался Найт.

Я провел ладонью по животу девчонки, спускаясь к ее заветному местечку. Она была возбуждена и выгибала спину, а ее бедра подрагивали от желания. Я принялся потирать набухший клитор, подготавливая ее. Член быстро дошел до полувозбужденного состояния, и как раз в этот момент еще одно тело прижалось ко мне сзади.

Джекпот.

– Пить кофе с молоком – все равно что отлизывать женщине с презервативом на языке. Итальянцы изгнали бы тебя из страны и за меньшее прегрешение, – пробормотал я, не открывая глаз и не отрывая губ от кожи девушки.

¹ Французский модный дом одежды, ароматов и аксессуаров; производят одежду по индивидуальным запросам и массовые коллекции.

– Спасибо за красочный образ, – язвительно заметил Вон Спенсер, другой мой хороший друг.

– Не обращай на меня внимания, старина. – Свободной рукой я нащупал лежащее позади меня тело и закинул ногу второй девушки себе на талию.

«Где мои презервативы?» И почему Найт с Воном предлагают мне кофе и поболтать, а не резинку? Их надо уволить и заменить теми, кто и впрямь помогал бы мне набирать очки. Впрочем, не могу сказать, что у меня были какие-то сложности в этом вопросе.

– Только презик подкиньте перед уходом, ладно?

– Дай своему члену передохнуть и проснись уже, мать твою. – Грязный ботинок уперся мне в висок, угрожая размозжить череп.

Вон, он же дьявол на моем плече.

На чьем угодно плече, если честно.

С этим ублюдком у меня были отношения, построенные на любви и ненависти.

На любви – потому что он, в конце концов, был одним из моих лучших друзей.

А на ненависти – потому что, несмотря на вышеупомянутый статус, он был козлиной колоссальных масштабов.

Я открыл глаза. Остальные части тела подали мозгу сигнал о том, что эта оргия может безвременно закончиться. Песок и грязь с ботинка Вона покрыли мой висок. Я почувствовал, как раздуваются ноздри и учащается пульс.

Девушка, лежащая передо мной, Элис, сонно улыбнулась мне, выгнув спину и вдохновенно прижимаясь грудью к моей груди. Черт. Я все еще ласкал ее пальцами. Было сложно устоять, когда она издавала такие восхитительные звуки. Я неохотно убрал руку от ее промежности. У девушки, притулившейся позади меня, хотя бы хватило совести перестать тереться о мою ногу словно морская свинка, которая только что обнаружила свои гениталии.

– Убери свой поганый ботинок от моего лица, – процедил я сквозь зубы, – пока я не сломал тебе хребет и не намотал его себе на шею вместо шарфа.

Мы с Воном оба знали, что это была пустая угроза. Мои ухоженные руки не были склонны к насилию. На самом деле я бы и муравья не смог прихлопнуть, даже если бы он перебил всех моих ближайших родственников. То есть я бы, конечно, разозлился. Впал в ярость. И непременно подал бы иск за причинение морального вреда. Но пачкать свои руки? Нет уж.

Однако меня останавливал вовсе не страх перед дракой, а самая настоящая лень, сопутствовавшая моему аристократическому воспитанию. Как сыну Джеральда Фитцпатрика, владельца и генерального директора крупнейшей в штатах нефтегазовой компании «Королевские трубопроводы», мне крайне редко приходилось самостоятельно решать свои проблемы. Семья Фитцпатрик была четвертой богатейшей семьей во всех штатах, а потому я вырос ленивым, самовлюбленным говнюком.

– Ты и еще один чмошник вчера поимели пятерых девиц. – Вон так и не убрал ботинок с моего виска.

Вероятно, этот акт насилия оказался для него самым ярким событием недели. Почему он не мог находить простые радости в женщинах, выпивке и дорогих шмотках от стареющих рэперов, было за гранью моего понимания. Казалось, он всегда все чертовски усложнял.

– Правда? – Я поднял брови, преисполнившись искреннего удивления и гордости. – Представители Книги рекордов Гиннеса уже едут? А настоящий «Гиннесс»² они прихватят? Я предпочитаю «Стаут» гораздо больше, чем «Лагер».

– Размозжи ему башку. Он заслужил, – простонал Найт у меня над головой.

Смешно слышать это от него. В прошлом он бухал так много, что мог бы потягаться с лордом Байроном и Бенджамином Франклином в баре формата «пей, сколько хочешь» на

² Одна из самых известных ирландских марок пива.

Самуи. А теперь, когда у него появилась девушка, я опасался, что, если она когда-нибудь от него забеременеет, родит бутылку текилы и пару билетов на Коачеллу³.

– А еще я отзываюсь на «Боже» и «Черт, Хантер, у тебя такой большой», – пробормотал я, на миг подумав о том, чтобы вздремнуть под ботинком Вона.

А что, все равно он не давил всерьез.

Обе девушки отлипли от меня. Теперь они слегка шумели, подбирая свои вещи и одеваясь. А я огляделся вокруг впервые с того момента, как продрал глаза. Судя по плюшевой кремовой обивке, свисающим люстрам и лампам из латуни по восемь кусков за штуку, я был в гостиной Вона.

Ковер был липким, а шторы порваны. Папочка и мамочка Спенсеры будут рады избавиться от своего придурковатого отпрыска, который скоро улетит в Англию на стажировку.

– Ты охрененно облажался. – Найт вытащил меня из-под ботинка Вона, швырнул на диван и накинул одеяло на мой теперь уже впечатляющий, неистовый стояк.

Он говорил, не глядя на меня, будто я виноват в том, что мне повезло быть обладателем тела, пригодного для постоянной наготы, и двадцатисантиметрового члена.

– Я услышал только что-то про «хрен» и определенно готов пустить свой в дело. – Я повозил рукой по столу возле дивана, нащупал пачку чьих-то сигарет с зажигалкой и закурил, выпуская дым в потолок. Курил я редко, но не мог упустить возможность сойти за говнюка, когда она вдруг представлялась. – Зачем вы обламываете мне кайф? – Я прищурился, указывая сигаретой то на Вона, то на Найта, которые стояли передо мной, уперев руки в бедра, все из себя зрелые и все такое.

– Произошла утечка. – Похожие на ледышки глаза Вона недовольно сузились.

Я отмахнулся от него сигаретой.

– Да это все естественные выделения, которые подсказывают, что тело женщины готово к совокуплению. Ты бы знал об этом, если бы трахал живых женщин. Это все из-за ковров твоих родителей? Тогда пришло Силли счет.

Силли – Сильвестр Льюис – был правой рукой моего отца и главным операционным директором в Бостоне. Он постоянно меня выручал. Его работа, помимо всего прочего, заключалась в том, чтобы сохранить мне жизнь и оградить от неприятностей, а потому он, по сути, был обречен на провал. Я нечасто ему звонил, но когда все же делал это, то только потому, что меня нужно было вытащить из какой-то мерзости, в которую я сам же вляпался.

Родители терпеть не могли, когда я выставлял их в дурном свете в прессе.

Так что Силли помогал мне оплачивать штрафы, избегать ответственности за вождение в нетрезвом виде и однажды даже втихаря уладил одну мою крайне неприятную ситуацию с лобковыми вшами.

– Утечка в социальных сетях, кретин, – пояснил Найт и, наклонившись, отвесил мне подзатыльник.

Быть серьезными и беспокоиться – не в стиле моих друзей. Я сел прямо и, плотнее обернув одеяло вокруг узкой поясицы, задумчиво подпер подбородок рукой.

– Слушаю.

(Я не слушал. А думал о том, кого хотел трахнуть сегодня вечером.) Возможно, Арабеллу.

Нет, точно Арабеллу. Она самая сексуальная телка в городе, которая была все еще свободна.

– Вкратце. – Найт разок хлопнул в ладоши. – Вчера после вечеринки по случаю стажировки Вона мы вернулись сюда, чтобы потусоваться. Ты устроил оргию с пятью девчонками на первом этаже. В какой-то момент пристроился еще какой-то парень (такой вот каламбур), но по большей части имел всех ты. Дело было не в медиазале, поэтому телефоны ни у кого

³ Трехдневный музыкальный фестиваль, проводимый компанией Goldenvoice в городе Индио, штат Калифорния.

не отбирали. Мы с Воном были наверху и не смогли спасти тебя от твоего слабоумия. – Он повернулся к Вону и, дернув подбородком, велел ему закончить рассказ.

Вон скрестил руки на груди и подхватил с того же места.

– Дабы завершить эту длинную, убийственно мерзкую историю в двух словах: около десятка человек сняли все это на свои телефоны. Некоторые выложили видео на ютьюб, кто-то – в твиттер⁴, кто-то – в снэпчат. Насколько нам известно, потом оттуда все удалили. Но вот те, что оказались на порносайтах? Они до сих пор в открытом доступе. И, скажем так, все свои недостающие академические достижения ты вполне покрываешь в качестве актера фильмов для взрослых.

Как только Вон договорил, Найт передал мне свой телефон, в котором было открыто упомянутое видео. (Почему люди называют их лентами? Прямо как в гребаных восьмидесятых.) Я нажал на значок воспроизведения. Как ни странно, оно было загружено на самый популярный в сети сайт. К тому же он был бесплатным, что, как я где-то слышал, очень любили представители среднего класса.

Видео уже набрало больше миллиона просмотров и восемьдесят девять процентов по индексу удовлетворенности клиентов.

Вот тебе и на!

На видео стояли теги: #СтудВечеринка #Оргия #Горячиешлюхи #Черлидерши #Миллиардер #Анал #Орал #69 #Кремпай #Групповуха #ЛучшиеДрузьяХ.

А мне на ум пришла только одна мысль: *«Неужели я со всем этим управился за каких-то двадцать минут всего одним членом? Впечатляюще, черт возьми».*

Я совершенно серьезно. Ребята из Книги рекордов ко мне едут или как?

Порнофильм назывался «Поло принц-миллиардер трахает пятерых цыпочек».

Про принца круто придумали. Было в этом что-то благородное. К поло я не питал особой страсти, но играл в него, чтобы угодить моему вечно недовольному отцу. Все остальное тоже звучало вполне убедительно, за исключением слов про студенческую вечеринку. А поскольку все мы были совершеннолетними (я знал всех девок на видео), подозревал, что удалить это будет сложно.

Я смотрел, как три недавние выпускницы старших классов, Элис, Стейси и София, захихикали в камеру и, виляя задом, с самодовольным видом направились ко мне на высоченных каблуках. Я сидел на диване, где мне отсасывала девица по имени Кайли, пока вторая, Бьянка, ласкала мой сосок проколотым языком. На мне была расстегнутая куртка-бомбер, надетая на голое тело, и джинсы, спущенные до голеней. Камера уменьшила масштаб съемки, и мы с чуваком, ведущим запись, взяли за дело. Он опустил камеру и снял, как трахает Кайли сзади, пока она отсасывает мне. Он кончил ей на поясицу, отступил назад и убрал свое полувозбужденное достоинство. Спустя пять минут акробатических выкрутасов мне каким-то образом удалось добраться руками, ртом и членом до всех пятерых девчонок разом.

Видео длилось почти двадцать минут и, по моему скромному мнению, было чертовски возбуждающим. Досмотрев, я поднял взгляд и вернул Найту телефон. Наступила тишина, друзья ждали, когда я переварю информацию, которую они вбили в мой страдающий от похмелья мозг.

– А кто тот второй чувак? – зевнул я.

– Брайан какой-то там. – Найт наморщил нос.

– Брэнсон, – закончил Вон.

– Брайан Брэнсон? – хлопнул глазами я. *Вот так неудачное имечко.* – Ух ты. Его родители ненавидят его больше, чем мои – меня.

⁴ Деятельность социальной сети запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (согласно ст. 4 закона РФ «О средствах массовой информации»).

– Только не после кучи порнографического дерьма, которую ты этим утром подкинул им на порог, – любезно отметил Найт.

До сегодняшнего дня я даже никогда не слышал о Брайане Брэнсоне, но сегодня занимался сексом с ним на пару. Хотя, полагаю, то же самое можно сказать о большинстве жителей Тодос-Сантоса. Я хлопнул себя по бедру, не сходя с намеченного плана.

– Ну так что, пойдем завтракать в Benny's или?..

– Ты идиот. – Найт, борясь с желанием зарядить в меня телефоном, сжал его так, что побелели костяшки пальцев. – У тебя большие неприятности. Стейси, Кайли и Бьянка выдвигают против тебя обвинения. Они уже в полицейском участке. Нам только что пришло сообщение.

Это объясняет, почему сегодня утром остались только Элис и София.

– За что? Не я же снимал все на камеру. Да и вообще, в этой ситуации я такая же жертва, как и они. – Я затушил недокуренную сигарету о пачку и продолжил, выдыхая дым: – К тому же едва ли они могут утверждать, будто все было не по обоюдному согласию. То есть... – Я махнул рукой на телефон Найта.

На видео Стейси позволила мне выйти из нее, снять презерватив и кончить ей на лицо. Она слизывала горячую белую сперму со своей щеки и хихикала от восторга, пока Кайли так напористо сосала мой член, что чуть его не проглотила. Не говоря уже о Бьянке, которая активно скакала на мне верхом, как на батуте, в то время, как Кайли уселась мне на лицо.

– Ты тупой, как булыжник, и, к сожалению, вызываешь примерно столько же симпатии, – серьезно сообщил Вон и отвернулся, переворачивая все вокруг в поисках чего-то. – Ты наследник многомиллионной компании. Им не нужна причина, чтобы подать на тебя в суд. Чихнешь на них – скажут, что ты заразил их свиным гриппом. Обнимешь – заявят, что ты сломал им кости. А если ты их трахнешь... – Вон замолчал, найдя то, что искал (мои джинсы), на одной из ламп, и бросил мне.

Я поймал их налету.

– Одевайся. Мне придется заново обставить весь чертов дом, после твоего вчерашнего торжества венерических заболеваний. Нужно помыть стены с хлоркой.

– А мне глаза, – добавил Найт.

– А мне стереть память, как в «Людах в черном», – парировал Вон.

Найт взял воображаемый пульт и щелкнул им, направив на Вона.

– А ты теперь безвылазно отсиживайся в формате «Один дома», чтобы не влезть в очередную публичную оргию, – предложил Найт.

Язвительно хохотнув, я сунул ноги в штанины джинсов. Я до сих пор не до конца понимал, что происходит. Ожидал, что, как и во всех прочих ситуациях, меня вытащит Силли. А если не он, то мои тетя с дядей – Джин и Майкл Брэди. (Да, они были семейкой Брэди⁵, и да, я считал это бесконечно забавным, поскольку родители отправили меня к ним в надежде, что те сумеют привить мне манеры и нормы поведения высших слоев общества, с чем не справились частные школы, в которые они меня пристраивали.)

Суть в том, что кто-то всегда вытаскивал меня из неприятностей, и этим кем-то неизменно был не я. Самостоятельно выпутываться из передрыг казалось мне утомительным занятием, и я уж молчу о потенциальной бумажной волоките.

Однако урок усвоен. С этого момента я буду внимательнее относиться к тому, где устраиваю свои оргии. Нельзя быть настолько безрассудным. Пора стать более осторожным. И раз уж я заговорил об этом, возможно, стоит ограничиться тремя девками зараз.

Я встал, застегивая кожаный ремень с шипами от Louboutin, и повернулся к Найту.

⁵ Отсылка к американскому комедийному телесериалу, который транслировался с 1969 по 1974 год и рассказывал об овдовевшем отце с тремя сыновьями, который женится на вдове с тремя дочерьми.

– Ладно. Теперь я готов выпить кофе.

Найт отвесил мне затрещину. Снова.

– Ты не въезжаешь, что ли? – Он нахмурил брови. – Скажи, кому позвонить. Ты знаешь имя своего адвоката?

– Черт возьми, сынок. Ты чего такой серьезный? Тебе нужно глотнуть «грязного спрайта».

Так же известного как успокоительное и обезболивающее. А также как найтовский аналог воды до того, как он завязал. Я понимал, что поступаю как ублюдок, упоминая о его проблеме со злоупотреблением запрещенными веществами, но он пропустил это мимо ушей. К тому же теперь он взял себя в руки. У них с Воном была возможность изучать то, что они хотели, и выбирать, чем желали заниматься в жизни. А я поеду обратно в Бостон, чтобы учиться в Гарварде и получать специальность в бизнесе, экономике и всем прочем, что вызывает у человека желание броситься с небоскреба. Не спрашивайте, как я попал в Гарвард. Па, наверное, пожертвовал ради этого такую сумму, какой хватит, чтобы еще десяток лет кормить весь штат Массачусетс. Я бы не доверил себе даже написание списка покупок, не говоря уже об эссе.

А еще я с большим нетерпением ждал принудительной летней стажировки в «Королевских трубопроводах».

– Твоему отцу? Матери? Брату? Сестре? Кому мне позвонить? Может, Брэди? – Найт помахал рукой перед моим лицом.

Я собрался ответить, как вдруг раздался стук в дверь. Вон пошел открывать. Мгновение спустя в комнату вошли полицейские. Клянусь, один из них даже поиграл мускулами. Они здорово кайфовали, упиваясь своей властью. Самый коренастый из них, который лицом напоминал мне страдающего запором бабуина с коротко стриженными рыжими волосами, уведомил меня о моих правах, схватил за руки и надел наручники.

– Хантер Эрнест Винсент Фитцпатрик, вы арестованы по обвинению в сексуальном домогательстве, изнасиловании несовершеннолетней и воспрепятствовании правосудию. Вы имеете право хранить молчание. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. Вы имеете право связаться с адвокатом, а также на его присутствие во время допроса. Если вы не можете позволить себе услуги адвоката... – Полицейский замолчал и издал комичный смехок. Остальные трое разразились истерическим смехом.

Да, да, я при деньгах. Обхохочешься.

– Если... если... – Он попытался снова, но запрокинул голову и так весело рассмеялся, что можно было подумать, будто это он в них купался. – Если вы не можете позволить себе услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством, – наконец закончил коп и вытер счастливую слезу, выступившую в уголке глаза.

Я уставился на него, стиснув челюсти и чувствуя, как впервые с того момента, как проснулся, в моих венах начинает вскипать гнев. Я не насиловал и не домогался этих девушек. Да вообще никаких девушек. Это подстава.

Офицер сунул руку в карман, достал оттуда пятидесятидолларовую купюру и шлепнул ее в раскрытую ладонь стоящего рядом с ним копа.

– Блин, я и впрямь не смог сказать это с серьезным лицом, Мо.

Они делали ставки на моем аресте. Мило. Холодные наручники крепко сжимали мои запястья и слишком сильно впивались в кожу. Мне явно не грозило сбежать или наброситься на женщину-копа, стоявшую среди них во всей своей лысеющей, покрытой шрамами от прыщей и лишенной трех зубов красе.

Найт с Воном подошли ко мне.

– Эй, придурки, вы не могли бы не подтверждать своим примером все предрассудки о жестокости полицейских? – спросил Вон. – А что до тебя... – Он дернул подбородком в мою сторону. – Я звоню своему отцу. Он сейчас с матерью в Вирджинии, но прилетит, если нужно.

– Кому мне позвонить, приятель? – снова спросил Найт. – Скажи мне.

Разумеется, ответ был таков: Джин или Майклу. Теперь они были больше похожи на моих родителей, чем те, кто отправил меня в Бостон, едва я вырос из подгузников. Офицеры принялись подталкивать меня к двери.

Вон пошел за нами и шикнул мне:

– Ничего им не говори, слышишь меня?

Я кивнул.

– Скажи Найту, чтобы не звонил моему отцу.

– Что?

Меня толкнули спиной к полицейской машине.

– Только не па! – сумел прокричать я, а потом меня пихнули на заднее сиденье головой вперед. – Кому угодно, только не отцу!

Найт показал мне два выставленных вверх больших пальца и закивал с порога.

– Без проблем, чувак. Позвоню твоему отцу!

– Я сказал не звонить моему отцу! – завопил я, когда задняя дверь полицейской машины захлопнулась перед моим лицом.

Найт меня не услышал.

Черт.

– Больше всего меня беспокоило обвинение в изнасиловании несовершеннолетней, но оказалось, что все это вранье. Все шестеро из вас старше восемнадцати. Полицейским даже не хватило ума проверить удостоверения личности, когда они принимали заявление, а значит, им придется снять это обвинение, и к тому же мы сможем устроить ребятам в синем нагоняй – это хороший способ устранения ущерба.

Барон «Вишес» Спенсер, отец Вона, сидел напротив меня на душном чердаке дома моих дяди и тети и листал толстые страницы моего дела. Я был вынужден скрючиться, как Арнольд Шварценеггер в кукольном домике, чтобы уместиться со своим ростом.

Прошли сутки с моего ареста, а мне еще только предстояло принять душ, сходить в туалет и подрочить, чтобы расслабиться. По профессии Барон был юристом, но не занимался уголовным правом. Тем не менее, как я понял, порой он помогал родственникам и близким друзьям с юридической хренотенью. А еще, насколько мне известно, он брал по пять тысяч долларов в час, чтобы оправдывать свою репутацию величайшей в мире сволочи. Деньги были нужны ему не больше, чем Кайли Дженнер очередное увеличение губ. Первым делом он заявил, что возьмет с меня по завышенной цене.

«Просто чтобы ты почувствовал, каково это, когда тебя поймали. Невозможно прожить всю жизнь, только имея других», – прямо пояснил он, когда час назад вошел в дом после того, как Джин и Майкл вызволили меня из тюрьмы под залог.

Я отпил пива из бутылки, потянув за кожаный шнурок на шее с деревянной лошадкой Дала⁶.

– А что насчет других обвинений?

⁶ Стилизованная деревянная фигурка лошади, игрушка, которая является национальным символом Шведского королевства.

– Продавить обвинение в сексуальном домогательстве будет непросто, учитывая, что девушки, судя по всему, были в здравом уме и активно участвовали в процессе. Обвинение в воспрепятствовании правосудию связано с тем, что мистер Коул отобрал у Бьянки телефон. По словам мисс Эванс, такое распоряжение отдал ты. К счастью для тебя, к тому времени, когда она вошла в медиазал и стала веселиться с остальными студентами, у которых тоже отобрали телефоны, твой член уже был мягче зефира, а сам ты еще долго в беспамятстве валялся на полу после оргии. Есть несколько свидетелей, которые могут подтвердить это временное несоответствие. Иными словами, тебя спасло собственное невежество. – Он оторвал взгляд от кипы документов, и от его ледяных голубых глаз в помещении стало на десяток градусов холоднее.

– Всегда рад быть неудачником. *Sláinte*⁷. – Я взял тост и сделал еще глоток пива.

У Барона были такие же чернильно-черные волосы, как у его сына, те же ледяные глаза и та же жажда быть успешным, могущественным и трудолюбивым. Я задумался, каково было быть Спенсером – умелым, целеустремленным, мотивированным. Талантливым.

Пока мне не было присуще ни одно из этих качеств. Да, у меня были деньги – столько, сколько мне никогда не потратить, и соответствующая внешность. Но, за вычетом этих поверхностных качеств, я ничего собой не представлял. Пустышка. Отец предупреждал, что не за горами тот день, когда люди начнут упрекать меня в легкомыслии. Я ему верил.

Именно поэтому я боялся возвращаться в Бостон и начинать учебу в колледже – иными словами, возвращаться к своей семье. Но избежать этого было невозможно. «Королевские трубопроводы» передавались уже шестому поколению Фитцпатриков.

Стоит ли говорить, что ведение бизнеса интересовало меня не больше, чем участие в очередной публичной оргии с последующей недолгой отсидкой в тюремной камере. Но реальность такова: мой старший брат Киллиан должен занять пост генерального директора «Королевских трубопроводов», как только отец прикажет долго жить, а я – стать главным операционным директором.

– Когда состоится судебное заседание? – Я вдохнул сквозь стиснутые зубы.

– Никогда. – Барон закрыл мое дело и сцепил пальцы в замок над столом. – Судебный процесс был бы публичным, сумбурным, отнял бы массу времени и, что самое главное, наделал ненужной шумихи в прессе. Дамы – и я сейчас использую это слово с иронией, тоже не горят желанием излагать подробности массовой оргии перед судом. Для каждой из них я подготовил щедрое предложение для урегулирования вопроса. Они и их семьи согласны на сделку. Предложение включает компенсацию в виде чека на два миллиона долларов и полную стипендию в колледж. Твой отец и брат рады, что вопрос улажен.

Я ни на миг не допустил мысль о том, что желание моего отца пойти на сделку имеет какое-то отношение ко мне. Его беспокоили заголовки в прессе. А что касается Киллиана, то, будь его воля, меня бы посадили на поводок и заперли в подвале особняка моих родителей в поместье Эйвбери-корт.

Я откинулся на спинку стула, теребя в руке лошадку, висящую у меня на шее на удачу.

– Почему мы заключаем сделку? Я ни черта не сделал. Вы сами так сказали. У них нет никаких доказательств.

– Но тем не менее даже передача дела в суд запятнает и твою репутацию, и репутацию твоей семьи и здорово разозлит акционеров «Королевских трубопроводов».

– Значит, я должен уступить, потому что мой папочка заправляет большой конторой? – нахмурился я.

– Да, если вкратце.

Отвечая, Барон просматривал сообщения в телефоне, оставаясь совершенно безразличным к моему отказу.

⁷ В переводе с гаэльского – «твое здоровье».

– Если передадим дело суду присяжных, то еще неизвестно, как они себя поведут. По правде говоря, белый мужчина-миллиардер, оказавшийся в центре масштабного секс-скандала, не входит в число вызывающих наибольшее сочувствие существ, известных человечеству.

– Я их не насиловал, – негодовал я. – И даже не подкатывал к ним. Они сами ко мне пришли.

Барон встал и убрал документы в кожаный портфель. Похоже, его утомил этот разговор и злость его клиента.

– Лучше быть жуликом, чем дураком. Согласиться на сделку и заставить их подписать соглашение о неразглашении – умный ход. А когда снова почувствуешь, что твое драгоценное эго жаждет, чтобы его приласкали, зайди на тот порносайт и напхни себе, что для тех, кто в конечном итоге женится на этих девушках, ты всегда будешь парнем, который оттрахал их до полусмерти и при этом сумел заставить их кончить.

– Мне нужно выпить чего покрепче. – Я тряхнул головой.

– Тебе нужна хорошая порка.

Я вздохнул и снова поднес бутылку к губам.

– Черт, а вы правы. Развратный секс – то, что доктор прописал. Но на этот раз я удостоверяюсь, что все происходит в закрытой спальне.

Барон окинул меня снисходительным хмурым взглядом и пошел к двери. Я понимал, что должен поблагодарить его за все, что он для меня сделал, но был не в настроении любезничать. Тем более что на чек, который ему выпишет па, он сможет купить себе еще одну яхту.

– О, и Хантер! – обратился Барон, стоя возле двери.

Я выглянул из-за стола.

– Да?

– Удачи на следующей встрече. Она тебе понадобится.

Вторая

Хантер

– Позорище! – рявкнул па, брызжа слюной на стоящий между нами стол.

Его бледное, по-ирландски усыпанное веснушками лицо побагровело, а сам он навис надо мной в том самом кабинете на чердаке, который несколько минут назад покинул Барон.

У семьи Брэди был дом, который Джеральд Фитцпатрик считал уютным и старомодным, если не сказать откровенно унылым. В Бостоне он снес целый квартал роскошных домов из песчаника в Бикон-Хилл и построил особняк, который скорее подходил для большой королевской семьи и всех, с кем они когда-либо обменивались приветствиями.

Поместье Эйвбери-корт могло похвастаться двадцатью спальнями, пятнадцатью ванными комнатами, крытым бассейном, теннисным кортом и подъездной дорожкой с подогревом – ведь почему бы не быть пафосным полудурком, если можешь себе это позволить?

С точки зрения архитектуры особняк был вдохновлен Мон-Сен-Мишель, замком, возвышающимся на острове во Франции, – с массивными арками, статуями и обширными пространствами. Честно говоря, я бы в любой день гребаного столетия предпочел старомодный городской дом Брэди этому устланному мрамором монстру богатых выскочек.

– Ты тупой, постыдный недоумок! Ты... ты... чертов... – Отец замолчал, крепко сжав руки в кулаки, чтобы подготовиться к последовавшему за этим громкому крику. – Сущее разочарование! – Он с силой толкнул стоящий между нами стол.

Тот с ужасающим стуком ударил меня по коленям. Я плотнее поджал губы, не обращая внимания на острую боль и сохраняя бесстрастное выражение лица.

Было чертовски заманчиво уйти в себя и вылезти, когда закончится его словесная порка, но я заставил себя поднять подбородок повыше и мужаться. Мои брат и сестра оба были совершенны в своей особой, сверхуспешной манере, а потому я становился излюбленным объектом недовольства моих родителей.

– Слава богу, ты не наплодил ублютков. – Па возвел глаза к небу и перекрестился, будто Бог был в ответе за то, что я помешан на использовании презервативов. В последнее время мне уже ничто не вменялось в заслугу.

– Еще не вечер, – брякнул я.

Он бросил на меня недобрый взгляд и пригрозил своим коротким пальцем.

– Твои мимолетные шашни стоили мне шести миллионов долларов в виде взятки за молчание, может и больше, если остальные решат подхватить идею и подать иск. По-твоему, это смешно? С меня хватит. – Отец пригрозил небу кулаком, расхаживая взад-вперед по маленькой комнате. – Я правда хочу разорвать с тобой все связи. Но твоя мать, благослови ее господь, питает к тебе нежные чувства. Возможно, потому, что ты средний ребенок.

«А может, потому что сунула меня в школу-интернат в Англии, когда мне было шесть, а потом перебрасывала по всему свету, как только меня выгоняли, но никогда даже не задумывалась о том, чтобы воспитать меня самой?»

– Я же, однако, ясно вижу, каков ты на самом деле, и у меня для тебя есть новости. Возможно, ты и отправишься в колледж в Бостоне, но о Гарварде не может быть и речи. Будешь посещать вечерние занятия, как все простолюдины. И уж точно не станешь жить в моем доме. – Он ткнул себя пальцем в грудь для большей выразительности.

Ростом мой отец был почти сто восемьдесят шесть сантиметров, немногим ниже меня, и был сложен сплошь из округлой груди мяса. Годы потворства своим слабостям сделали его тело дряблым, а характер жестким. Ему на лоб упала седая прядь волос, но брови оставались темными и густыми.

Моя мать, напротив, была легкой и изящной, как по характеру, так и внешне.

– Вот, блин, жалость. – Я закатил глаза, раззадоривая его. Уши начали гореть, и меня это бесило. – Я слышал, что в Бостоне есть пара приличных квартир в аренду. Буду рад держаться от тебя подальше.

А что касается Гарварда, то я в любом случае сомневаюсь, что идиот вроде меня смог бы там продержаться. Я бы, наверное, даже нужные аудитории не смог найти, не говоря уже о том, чтобы понять лекции. Все к лучшему.

– А на какие деньги, скажи на милость, ты собрался их арендовать? – У отца на лбу выступила вена. Я практически видел, как она пульсирует под кожей. – Вынужден сообщить: точно не на мои.

Я молча уставился на него в нервном напряжении.

– Ты ни одного дела в жизни не завершил, Хантер.

Неправда. Я ежедневно завершал аналогии, банки пива и оргазмы. Но даже такой тупица, как я, знал, что не стоит говорить об этом вслух.

– Ты соберешь вещи и немедленно съедешь отсюда, – продолжил он, раздавая указания в безразличной, отработанной манере, которая подсказывала мне: он решил, как поступить со мной, прежде чем его частный самолет коснулся калифорнийской земли.

– Ладно, – усмехнулся я.

– На прощания с друзьями нет времени, – рявкнул он.

Я резко поднял голову. Популярность – дело одинокое, но мне в самом деле нравились мои здешние друзья.

– Мне потребуется всего час.

– Да хоть минуту, мне плевать. А потом, – продолжил он, а его голос рикошетом отлетал от стен, словно мультяшные пули, преследующие задницу злодея, – ты отсидишь шесть месяцев, чтобы доказать мне, что ты не просто ворох венерических заболеваний и дурных решений, коим я тебя считаю.

– Ты просишь меня лечь в реабилитационную клинику? – Я поперхнулся выпитым утром пивом.

– Нет. Я говорил с твоими дядей и тетей, и они не думают, что у тебя проблемы с алкоголем или наркотиками. У тебя проблемы с обязательствами и поисками смысла жизни. С тем, чтобы брать на себя ответственность.

Было любопытно послушать о моих проблемах от человека, который за последние полтора десятилетия видел меня по неделе дважды в год.

– И что же тогда? – неожиданно спросил я.

Была у меня одна игра, в которую я играл с самим собой, потому что был единственным постоянным спутником в собственной жизни. Я так часто менял места проживания и компании, что был вынужден найти что-то, что стало бы мне якорем. Игра состояла в том, чтобы каждый день выбирать песню, определявшую мое настроение. Сегодня это, несомненно, была «Gimme Shelter»⁸ группы The Rolling Stones. Потому что, черт побери, мне бы сейчас не помешало укрытие.

– Ты будешь работать на меня, самостоятельно обеспечивать себя во время учебы в колледже и жить в квартире в Овальном Здании, где мои сотрудники смогут следить за твоим местонахождением и прогрессом.

Моей семье принадлежало Овальное Здание – небоскреб, который должен был выглядеть, как изысканный тюбик помады, но на самом деле напоминал необрезанный возбужденный член.

Отец наклонился, прижав ладони к потрескавшейся дубовой столешнице, пытаясь поймать мой взгляд.

– А еще ты будешь трезв как стеклышко и практиковать воздержание, как монах.

И помирать со скуки. Нет уж, спасибо.

– На шесть месяцев? Да ты, наверное, шутишь. – Я встал, взмахнув руками.

Ударился головой о потолок. Но мне было наплевать. Он мог с тем же успехом меня убить. Что за жизнь без кисок и крепкой выпивки? Просто череда событий, в которых никто не хотел принимать участие, вот что.

– Это не обсуждается. – Отец попытался выпрямить спину и встать в полный рост, но ничего не вышло.

С каждой секундой в этой комнате с низким потолком становилось все жарче и теснее. У меня на висках выступили капельки пота. Я заметил, что и па в своем костюме вспотел, как свинья.

– Не бывать этому. – Я скрестил руки на груди.

– Тогда можешь попрощаться со своим наследством. – Он с беззаботной улыбкой достал лист бумаги из нагрудного кармана и сунул мне в лицо.

– Я предвидел такую реакцию, и твоя мать – с учетом твоих интересов, разумеется – любезно позволила мне на законных основаниях исключить тебя из нашего завещания, раз уж ты не испытываешь особого желания участвовать в семейном бизнесе Фитцпатриков и уважать его ценности.

Я вырвал у него бумагу и развернул дрожащими руками. Ублюдок не морочил мне голову. На документе стояла печать юридической конторы, которая была у него на подхвате. В помятой бумаге, пускай пока не подписанной, отмечалось, что я не унаследую ни единого пенни из состояния Фитцпатриков, если это шестимесячное соглашение не будет исполнено к полному удовлетворению моего отца.

Я поднял взгляд, чувствуя, как в груди разливается нечто горячее и неприятное.

– Ты не можешь этого сделать, – процедил я.

⁸ Название песни переводится как «Дай мне убежище».

– Что? Спасти тебя от себя самого? Именно это я и делаю, – заявил он, разведя руками. – согласишься на мои условия – и получишь половину моего королевства, Хантер. А продолжишь и дальше подводить меня, свою мать и самого себя, тогда тебе нет места в нашей семье.

Никогда и не было. Именно по этой причине деньги так много для меня значили. Я не хотел лишиться еще и их.

– Ладно, – сердито бросил я. – Как скажешь. Посади меня в свой членообразный дом. Я не буду влезать в неприятности, пить и трахаться на протяжении шести месяцев.

– Конечно, не будешь, – сказал отец, отобрал у меня бумагу и, аккуратно сложив, убрал обратно в нагрудный карман. – Потому что с тобой будет жить человек, который должен следить, чтобы ты был на пути исправления. И отчитываться за тебя.

Я запрокинул голову и горько рассмеялся.

– Я не стану жить в одной квартире с Киллианом. Он небось ежедневно устраивает сатанинские ритуалы с щенячьей кровью и слезами младенцев.

Мой старший брат был воплощением скотства. Ему было присуще лицемерное поведение исключительно одаренного типа, вынудившее меня бросить попытки стать кем-то, кроме как семейным шутом. Мои потуги нагнать его по многочисленным достижениям в учебе и карьере казались тщетными. Он был любимчиком, безумной надеждой, безжалостным императором, на которого все равнялись.

Па покачал головой.

– Брось, можно подумать, *mo órga* снизошел бы до того, чтобы жить с тобой под одной крышей. – *Mo órga* в буквальном переводе с гаэльского означало «золотой ребенок».

Как тонко, пап.

– Виноват.

Забыл, что после долгого дня ему нужно снять с себя костюм человека и расслабиться в одиночестве. Тогда кто же?

– Что ж, к этому человеку еще предстоит обратиться. Тебе придется убедить ее согласиться. Если она откажется – весь план рухнет. Но мы с твоей матерью нашли идеальную кандидатуру.

Она. Он сказал: «она». Значит, это женщина. А еще это значит, что я смогу трахать ее у него за спиной. Неважно, сколько ей лет и как она выглядит – я на все согласен, если это значит, что смогу сунуть член куда-то, кроме как в собственный кулак.

– Кто это? – процедил я, понимая, что он наслаждается нашим диалогом и тем, что я оказался в его власти.

– Сейлор Бреннан.

Ага, проехали. Я не стану прикасаться к этому даже трехметровой палкой в презервативе.

Почему? Давайте прикинем.

1. Сейлор Бреннан – девочка-паинька. Честная, отличница, до скукоты порядочная девочка.

2. Она пацанка и, вероятно, лесбиянка (не то чтобы меня это беспокоило), а еще лучница (а вот это меня и впрямь беспокоило, потому как означало, что она могла без особых усилий меня убить).

3. Она была дочерью Троя Бреннана, а Трой Бреннан – человек, чьим врагом не хотел становиться никто. Он был подручным бостонского преступного мира, парнем, которого высшее общество города нанимало выполнять грязную работу.

4. Во время редких встреч, которые бывали у меня с Сейлор, она казалась досадно невосприимчивой к моему обаянию (как я уже сказал, лесбиянка).

– Как-то это уже за гранью, тебе так не кажется? – Я изобразил скуку, хотя сам был готов сорваться в южное полушарие, чтобы избежать своего приговора.

– Лучше, чтобы план был за гранью, чем ты совал свой член туда, куда не следует, – парировал отец, вынул платок из переднего кармана и принялся вытирать им потные руки, сосредоточив все свое внимание на зеленой ткани.

– Полгода жить и играть в семью с незнакомкой – весьма неблагочестиво, па. Кто-то даже сказал бы: прямо как в Средневековье.

– Тебя только что застукали, пока ты занимался сексом с пятью девушками на антикварной итальянской мебели твоего друга, за которую мы, кстати, еще должны заплатить, что будет удержано из твоей зарплаты. Ты слишком далек от благочестия, чтобы беспокоиться о своей репутации.

– А что насчет репутации Сейлор?

– Ее нет – она чистый лист. И нет таких безумцев, которые стали бы дурно о ней отзываться, учитывая, кто ее отец.

Он отправляет меня жить с девушкой, чей отец – хладнокровный убийца. Меня. С моим мерзким ртом без словесного фильтра.

– С чего ты взял, что Сейлор на это согласится? – прищурился я.

Я встречался с Сейлор Бреннан раза три или четыре в жизни. Ее родители владели ресторанами по всему Бостону. Мать была шеф-поваром и в прошлом несколько раз готовила для мероприятий, которые устраивала моя мама. Все это время Сейлор копалась в телефоне или с любопытством поглядывала на мою сестру (очередное доказательство теории о том, что она лесбиянка).

Я едва помню эту девицу. Зато хорошо помню ее волосы морковного цвета, которые на вид были не мягче покрытых волдырями ступней, такое количество веснушек, что на лице не осталось живого места, и тело отощавшего пятилетнего мальчишки.

– У меня на то свои причины, но ее будет непросто убедить.

– И как ты себе это представляешь? Я подойду к ней и просто скажу: «Эй, давай съедемся?»

Я не хотел лишаться наследства из-за того, что мой член вел социальную жизнь целого семейства Кардашьян. Сожительство с зубрилкой и полгода воздержания меня не убьют.

Наверное.

Честно говоря, только время покажет.

– Делай все, что считаешь нужным, чтобы Сейлор согласилась, – пожал плечами отец. – Я подкину тебе крючок, но рыбачить будешь сам. Не Силли, которому я, кстати говоря, велел больше никогда не оказывать тебе помощь. Хватит валять дурака. Если хочешь чего-то – нужно к этому стремиться. Твоя задача – заставить Сейлор тебе помочь. Теперь ты сам по себе, Хантер. Если в ближайшие шесть месяцев ты не сумеешь доказать мне, что ты тот, кем должен быть, то останешься не у дел. А Сейлор как раз будет держать тебя в узде.

Третья

Сейлор

*«Милостивый Боже,
Я знаю, что время от времени говорю с тобой и чаще всего прошу об одолжениях, но
клянусь, это в последний раз.*

...

*Ну ладно. Наверное, не в последний, но все же выслушай меня, хорошо?
Прошу, подай мне знак, что мои мечты об Олимпиаде не обернутся провалом.
Пошли дождь.
Отправь голубя на меня нагадить.
Что угодно.
Это единственное, что меня волнует. Единственное, чего я по-настоящему хочу.*

*С уважением,
Сейлор Бреннан.*

*(P.S. Я полностью отказалась от шоколада и соленых закусок на время Великого поста,
так что, если ты проверишь меня и увидишь список грехов моей семьи, в особенности моих
отца и брата, то помни, что со мной все в порядке, хорошо? P.P.S. За них я тоже молюсь.)*

Я мысленно провела линию между собой и мишенью и прищурилась от палящего солнца, из-за которого на лбу уже выступила испарина. Тремя пальцами зажала стрелу с тетивой и подняла лук вровень с мишенью, держа сгиб локтя параллельно земле. Я почти чувствовала, как расширились зрачки, когда я сосредоточилась, а по позвоночнику прошла дрожь от возбуждения. Я выпустила стрелу и стала наблюдать, как она закрутилась в воздухе и пролетела всего в считанных миллиметрах от цели.

Я опустила лук и вытерла пот со лба.

– Сейлор! – резко окликнул мой тренер Джунсу. Он подошел из затененной зоны для посетителей стрельбища, сложив руки за спиной. – К тебе пришли.

Я сняла наручи и кожаный напальчник и бросила их в открытую спортивную сумку, что лежала позади меня.

– Пришли? – Прихватив бутылку воды с пластмассового стула, я принялась заливать в рот ее содержимое. – Кто мог ко мне прийти?

Вопрос не должен был прозвучать настолько плачевно. Ко мне много кто мог прийти. Например, родители. Мама часто оставляла мне еду на ресепшен, потому как знала, что я вечно забываю поесть. Еще у меня были подруги, а именно: Персефона (Перси) и Эммабелль (Белль) Пенроуз. Они обе потратили немало времени, пытаясь вытащить меня на общественные мероприятия, которые мне совсем не хотелось посещать. Но все знали, что я не любила, когда ко мне приходили во время тренировок. Оставим без внимания тот факт, что тренировалась я постоянно.

– Мальчишка, – ответил Джунсу, скривив губы. Его слова, произнесенные с корейским акцентом и примесью неясного британского говора, прозвучали с укором. – Высокий светло-волосый парень.

Джунсу был низкорослым и жилистым, и на вид ему было не больше тридцати, хотя, учитывая, что его лучшие годы на Олимпийских играх прошли три десятилетия назад, ему явно было под пятьдесят. У него были черные, как вороново крыло, волосы и загорелая кожа без единой морщинки. Он носил облегающую, простую одежду из дорогих тканей, которая всегда была тщательно отутюжена.

– Не понимаю, о чем ты. – Я тряхнула головой, и моя грива, как у Мериды Данброх⁹, разметалась вокруг лица.

Я подхватила спортивную сумку, закинула лук на плечо и пошла с уличного стрельбища в здание стрелкового клуба. Должно быть, Джунсу ослышался. Наверное, этот парень искал кого-то другого.

– Можно мне завтра прийти на полчаса пораньше, чтобы ты помог мне отладить лук? Думаю, мне нужна новая тетива.

Джунсу ответил мне кратким кивком, но выражение его лица по-прежнему было обеспокоенным.

– Мальчишка, – настаивал он, поглаживая подбородок, – он что, как тут у вас говорят... твой Бой. Френд?

Он намеренно сделал паузу между частями «бой» и «френд», прекрасно зная, каков ответ. Я откладывала учебу в колледже (да и жизнь в целом), чтобы полностью сосредоточиться на стрельбе из лука. А точнее, на Олимпийских играх, которые пройдут ровно через год. Вопрос с парнями в этом году был закрыт. Шанс попасть на Олимпиаду выпадал лишь раз или два в жизни.

Колледж мог подождать. Я могу поступить в следующем году, после того как завоюю золотую медаль.

Парни? Они настолько основательно исчезли с моего радара, что я даже сомневалась, был ли у меня такой радар.

Я имела удовольствие расти рядом с двумя мужчинами – двумя сильными мужчинами, которые научили меня всему, что нужно знать про их пол: они были дикими, жестокими и отнимали слишком много времени. В моей жизни другим не было места.

– Не знаю, о ком ты, Джунсу. – Я шумно выдохнула, пока мы шли по узкому коридору стрелкового клуба. Он был весь увешан фотографиями нынешних и бывших лучников, которые принесли клубу медали и славу. Я вдохнула навязчивый запах пота, кожаного снаряжения

⁹ Главная героиня анимационного фильма «Храбрая сердцем».

и легкой пудры. – Но, кто бы это ни был, мне он никем не приходится. – Я остановилась и почесала лоб, пытаюсь найти этому объяснение. – Может, это Дориан Санчез. Мы учились в одной школе, и он умолял меня поговорить с мамой о том, чтобы она взяла его на работу.

Дориан был светловолосым и высоким, а еще единственным в классе, кто, так же как и я, не обеспечил себе место в хорошем колледже. В выпускном классе он купил себе закусочную на колесах и продал ее перед выпускным, поэтому я знала, что ему нужны деньги.

Ага. Наверняка это Дориан.

– Что ж... – Джунсу указал раскрытой ладонью на входную дверь. – Этот парень слоняется снаружи. Я буду очень признателен, если он больше не станет так делать. У меня тут не Тиндер. – Он прямо-таки выплюнул последнее слово.

Прикусив нижнюю губу, чтобы подавить смешок, я кивнула с серьезным видом.

– Постараюсь впредь приглашать всех своих любовников прямо домой.

– Не смешно, – строго возразил он, округлив глаза.

– Нет, смешно. – Я бодрым шагом направилась к выходу и, обернувшись, подмигнула своему олимпийскому тренеру. – Потому что мы оба знаем, что это полная х...

– Никакой брани! – Он пригрозил мне указательным пальцем. – Правое плечо все еще беспокоит?

– Да, – отмахнулась я. – Честно говоря, оно меня совсем измучило.

Правое плечо беспокоило меня уже несколько недель, но каждый раз, когда я оказывалась на приеме у физиотерапевта, то делала вид, что все в порядке, чтобы он разрешил мне продолжить тренироваться. Джунсу очень строго относился к пропускам тренировок, а когда я жаловалась, он взглядом велел мне стойко терпеть.

Тренер кивнул.

– Это нормально. До завтра, Сейлор.

– До завтра.

Я вышла на стоянку и стала пробираться к своему практичному белому «Фольксвагену Гольф GTI». Летом в Бостоне стояла невыносимая жара, темные здания в колониальном и федералистском стиле были близки к тому, чтобы расплавиться и растечься лужей на бетоне. Клуб по стрельбе из лука располагался на тихой улочке возле Вест-Энда и достаточно далеко от квартиры моих родителей в центре города, так что ежедневные поездки туда и обратно отнимали у меня по пятьдесят минут.

Бросив снаряжение в багажник, я сунула наушники в уши и принялась напевать «Kill and Run» в исполнении Sia, как вдруг кто-то похлопал меня по плечу.

Я обернулась, удивившись, хотя Джунсу меня предупредил. На меня смотрело незнакомое лицо.

Если быть точнее, такое умопомрачительное, что сердце замерло на миг, а то и пять.

И это точно был не Дориан Санчез.

– Сейлор Бреннан? – прямо спросил мужчина (а никакой не мальчишка), окидывая меня взглядом, будто я была девушкой по вызову, которой он только что открыл дверь и выяснил, что она не соответствует его стандартам.

Я почувствовала, как все мое тело напряглось, защищаясь, и тряхнула головой, избавляясь от странного влияния, которое оказывала на меня его внешность.

– Да. – Я запрокинула голову, чтобы получше его рассмотреть, а еще потому, что не могла точно понять, не возникнет ли необходимость ударить его головой.

В конце концов, этот парень был мне совершенно незнаком.

– Я могу чем-то помочь?

– Я Хантер Фитцпатрик. – Он указал на себя и одарил меня безупречной, хорошо отретпированной ухмылкой, демонстрировавшей зубы и ямочки на щеках в правильной пропорции.

Я захлопала глазами, дожидаясь пояснений.

– И?.. – нахмурилась я, когда стало очевидно, что его утверждение должно было послужить своего рода разъяснением.

Глаза незнакомца слегка расширились от удивления, но он быстро придал своему лицу прежнее апатичное выражение и прокашлялся.

– Мы можем где-то поговорить?

– Мы уже где-то говорим. – Я вынула наушники из ушей и сунула их в передний карман. – Вот прямо здесь. А если не скажешь мне, в чем дело, тогда, боюсь, мне придется развернуться, сесть в машину и уехать.

– К сожалению, в таком случае я буду вынужден преградить тебе проезд. – Он провел рукой по своим локонам, и каждый золотистый волосок подчинился его жесту, словно пшеничное поле, колыхнувшееся под порывом ветра.

Избалованный мальчишка. Я уставилась на него в раздражении и замешательстве.

– Тогда, – осторожно протянула я, – увы, придется тебя переехать. Так что давай избавим тебя от необходимости ехать в больницу, а меня – от лишних неудобств. Может, скажешь мне, зачем ты здесь? Ты втягиваешь меня в неприятности.

– Это еще какого хрена?

– Мой тренер решил, что ты мой любовник или что-то в этом роде.

– ТЖМ, а ну притормози. – Он разразился бесстыдным смехом, да еще, по сути, сократил до аббревиатуры фразу «твою ж мать». Потом бросил взгляд на мою несуществующую грудь.

На мне была облегающая кофта с длинными рукавами, лосины и старые кроссовки, которые, пожалуй, стоило заменить года три назад. Несмотря на все мои усилия, я почувствовала, как краснею от его пренебрежительного взгляда. Я знала, что далека от совершенства. Худощавая, с рыжими лохматыми волосами длиной до попы и россыпью веснушек всюду, где меня касалось солнце. По шкале от одного до десяти я выглядела в лучшем случае на шестерку. А Хантер выглядел на миллион.

– Я хотел обсудить с тобой одну мысль. – Он прислонился бедром к открытому багажнику моей машины.

Всем своим естеством он выражал праздность и снисходительность. Был полной противоположностью моим брату и отцу. Он любил себя и был всецело уверен в своей привлекательности. Меня это отталкивало.

Впрочем, не могу сказать, что меня в нем изначально что-то привлекло.

– О чем? – Я переступила с ноги на ногу. Мои нервы были так напряжены, что трещали по швам. Парни никогда со мной не заговаривали, а те, что все же это делали, выглядели отнюдь не так, как он.

– О нас.

– Ты только что сказал, что нет никаких нас. Я хотела бы закрепить это утверждение. – Я достала ключи из спортивной сумки, захлопнула багажник и обошла машину.

Он поплелся следом, двигаясь с грацией тигра, что необычно для парня его размера. Он был очень высоким и очень подтянутым и, что раздражало больше всего, от него очень, очень приятно пахло. Смесью ароматов чистого белья, корицы и развращенного самца.

– Эй, погоди-ка минутку. Ты в самом деле не знаешь, кто я такой? – Он коснулся моего плеча, чтобы помешать мне сесть в машину, как только я открыла водительскую дверь.

Я посмотрела на его ладонь и вскинула бровь. Он немедленно ее убрал.

– Без рук, – сказала я.

– Ладно. Так что? Не знаешь? – Он всматривался в мое лицо, подняв брови чуть ли не до линии роста волос.

Я помотала головой.

– Не имею ни малейшего понятия. Мои соболезнования твоему эго.

– Х-а-н-т-е-р Ф-и-т-ц-п-а-т-р-и-к, – медленно протянул он, обращаясь со мной, как с первоклашкой, зубрившей буквы. – Ну, знаешь – «Королевские трубопроводы».

– Если это какой-то сексуальный намек, то мне придется врезать тебе коленом по яйцам, – сказала я будто невзначай.

Однако не чувствовала себя и вполнину такой спокойной, какой пыталась казаться. От одного только его присутствия в животе пробуждался трепет, а от волнения начинало тошнить.

– Не надо меня объективизировать, леди. – Он вытащил шапку с логотипом VLTN из заднего кармана дизайнерских джинсов, нахлобучил ее на голову, закрыл глаза и сник.

Эта вещица стоила четырехста баксов. Я знала об этом, потому что купила нечто подобное Белль на день рождения. Но это был совместный подарок, на который скинулись ее родители, сестра и кузен. Да кто такой этот парень?

– Я из четвертой богатейшей семьи в стране. – Он надулся, выглядывая из-под края шапки, отчего приобрел нелепый, но в то же время очаровательно ребячливый вид.

– Повезло тебе. Есть ли еще какие-то бессмысленные подробности о твоей жизни, которыми ты хотел бы поделиться, пока я не уехала? Любимый цвет? Может, расскажешь, в каком возрасте у тебя выпал первый молочный зуб? – размышляла я.

Но теперь, когда он снова назвал свое имя, меня осенило, и я поняла, почему он был так удивлен, что я его не узнала – главным образом потому, что все остальные в этом городе знали.

Хантер Фитцпатрик был несправедливо, бесспорно, неотразимо великолепен. Прямотаки поразительно. До такой степени, что я стала болезненно его воспринимать, просто потому, что такие красивые мужчины не заслуживают доверия.

Позвольте внести поправку: вообще все мужчины не заслуживают доверия. Просто симпатичные – особенно гнусные. Этот урок я усвоила еще в старшей школе, хотя его не было в программе.

В Бостоне ходили слухи, что родители отправили Хантера в Тодос-Сантос, штат Калифорния, четыре года назад после того, как его выгнали из британской школы. Тем самым они пытались заставить его взяться за ум, поселив сына с читавшими Библию дядей и тетей, или хотя бы держать его подальше от прессы восточного побережья. Последняя не давала покоя семье Фитцпатрик, и в частности Хантеру, поскольку он обладал примечательной способностью вести себя как идиот. Собственно говоря, в особенности мне вспомнился один заголовок, в котором его называли «Великий Гробли», после того как одна из его вечеринок у бассейна закончилась тем, что два человека сломали себе конечности, пытаясь прыгнуть с крыши в бассейн.

Даже из Калифорнии пройдоха Фитцпатрик умудрился попасть в заголовки. Если верить сплетням, его сексуальные победы исчислялись уже в трехзначных цифрах, а если бы ангелы обретали свои крылья каждый раз, когда Хантер заводил интрижку, то небеса были бы настолько переполнены, что им пришлось бы на перспективу строить новые отделы в аду.

Волосы Хантера были приглушенного золотистого цвета и вились ангельскими завитками возле ушей, на висках и у основания шеи, подчеркивая его красоту, от которой замирало сердце. Его глаза были узкими, почти раскосыми, а радужка – ослепительно светлой, серого и приглушенного голубого цвета с золотистыми крапинками. Высокие скулы, квадратная челюсть и пухлые губы придавали ему изящность угрюмого, избалованного принца. Его нос был прямым и узким, брови густыми и мужественными, а кожа покрыта здоровым, сияющим загаром мужчины, побывавшего в лучших уголках света.

Тело Хантера обсуждалось не меньше, чем его выходки. Пока учился в Великобритании, он играл в поло и продолжил заниматься им в частном порядке после того, как его выгнали и он вернулся в Калифорнию. Он был худощавым, мускулистым и невероятно высоким для игрока в поло. По слухам, у него был завидный пресс и член размером с Эйфелеву башню.

Словом, он так и сулил неприятности, причем такие, на которые у меня не было времени.

– У меня есть к тебе предложение. – Он задрал нос.

Господи, он был настолько высокомерным, что мне хотелось блевануть на его кроссовки модели Jungle от бренда Fear of God (девятьсот девяносто пять долларов за пару, как однажды сказала мне Эммабелль, а значит, он уже был потенциальной жертвой, которая так и напрашивалась, чтобы ее обокрали).

– Ответ отрицательный.

– Какой бессистемный образ мышления. Ты же еще даже не выслушала.

Я подняла ладонь, вежливо улыбаясь.

– Основываясь на одной только твоей репутации, вкуче с тем обстоятельством, что мы стоим здесь уже десять минут, а ты так и не перешел к сути, я могу сделать вывод, что мы с тобой друг другу не подходим. Ни в чем.

– Мне нужно, чтобы ты полгода жила вместе со мной. Но, типа, в нереально крутой квартире в центре города. Просто отпадной берлоге.

Он в корне проигнорировал мой отказ. Более того, говорил так, будто делал мне одолжение. Да, мои родители не входили в список богатейших людей страны, континента или внеземного пространства, но они очень хорошо зарабатывали. Да и вообще, я выросла в роскоши. Но, как и моя мама, я отвергала убеждение о том, что деньги приносят счастье. Я выяснила, что зачастую верно обратное.

– Ух ты! – радостно воскликнула я. – Что ж, в таком случае, ответ все равно отрицательный.

– Подожди! У меня есть кое-что, чего ты хочешь. – Ему хватило наглости захлопнуть водительскую дверь у меня за спиной и упереться руками по обеим сторонам от моих плеч, заключая меня в ловушку.

Я ошарашенно уставилась на него. Он под кайфом, что ли?

– Что? – рывкнула я, мечтая, чтобы кто-нибудь вышел из клуба, увидел нас и пустил стрелу ему в череп.

А другая часть меня, крохотная частичка, наслаждалась вниманием, которое мне оказывал этот прекрасный представитель мужского пола. Я мысленно отметила, что нужно утопить эту часть в ванне, когда вернусь домой.

– Мой отец говорит, что если ты согласишься на сделку, то он готов спонсировать тебя вплоть до участия в Олимпиаде. Сказал, что прославит твое имя на всю Америку и сделает тебя любимницей Бостона. Я имею в виду рекламу, работу с лучшим спортивным агентом штатов, контракт на написание книги. Ты прославишься, детка.

Он одарил меня очередной ухмылкой, демонстрирующей зубы и ямочки на щеках.

– Я ничего такого не хочу. Я хочу лишь заниматься любимым делом.

– Это мило, но я знаю, что Лана Альдер из Нью-Мексико дышит тебе в затылок в плане стрельбы из лука и может занять твое место в команде. А еще у нее до хрена рекламных кампаний и контрактов на съемки в кино, так что, возможно, ты захочешь пересмотреть свой категоричный отказ.

– А ты хорошо подготовился, – угрюмо ответила я. Лана была для меня больной темой. От одного только упоминания ее имени у меня мурашки бежали по коже.

– В первый и последний раз. – Он пошевелил бровями.

Я прикусила кончик большого пальца. Он прав. Альдер – моя главная соперница, и, к сожалению, она была столь же красива, сколь и талантлива. Через пять месяцев она прилетит в Бостон, чтобы мы могли тренироваться вместе с Джунсу, но уже получила больше внимания прессы в моем городе, чем я собираю за целый год.

Я помотала головой.

– Нет.

– Уверена? Одна квартира, отдельные комнаты. Мои родители просто хотят, чтобы ты за мной приглядела.

– Зачем? – Мои глаза вспыхнули от раздражения. – Почему я? Почему не какая-нибудь расположенная к этому девушка? Уверена, тебе есть из кого выбрать.

– Именно поэтому. Ты не расположена. Говорят, что тебя невозможно ни уговорить, ни соблазнить – ты неподкупна. Ты благонадежна и знаешь, что такое ответственность.

– Гм, спасибо.

– Господи боже, женщина, это вовсе не комплимент, – рассмеялся он.

Я нахмурилась.

– Что ж, жаль разочаровывать твоих родителей, но ответ все равно отрицательный.

– Ну серьезно? – простонал он, когда я оттолкнула его руки, снова открыла дверь и села в машину, пока не успела обдумать его безумную затею. – Мой отец знает твоего отца и вкратце ему обо всем рассказал. Похоже, он в восторге от этой затеи. Спроси у него. Па может сделать тебе карьеру. Если тебе так важна стрельба из лука, сделай самой себе одолжение и соглашайся, блин.

– Мой отец тоже влиятельный человек, – сказала я, сама не веря, что несу. Неужели дебилизм заразен?

– Твой отец может повлиять на количество убитых в Бостоне, но едва ли его можно назвать публичной персоной. А вот мой старик пожертвовал несколько миллионов на строительство стадиона для «Патриотов». Тебе нужны связи, Сейлор. Позволь мне помочь.

Я завела двигатель с открытой дверью, полностью устроившись в кресле и сжимая руль так сильно, что почувствовала, как немеют пальцы.

– Ты просто должна следить за тем, чтобы я был трезв и практиковал воздержание. Вот и все.

Я в потрясении посмотрела на него.

– Быть твоей нянькой, что ли?

Он пожал плечами.

– Я уже полностью приучен к горшку и не просыпаюсь по ночам, а иногда и до позднего утра или даже после полудня. А еще могу приготовить охрененный омлет.

– Ты можешь перестать использовать слово «хрен» в качестве прилагательных, глаголов, наречий и существительных? – спросила я, скорее размышляя вслух.

– Перестану, если ты согласишься на мое исключительное предложение. – Он нажал на кнопку и опустил стекло, чтобы мы могли продолжить разговор, за миг до того, как я захлопнула дверь у него перед носом.

Хорошие инстинкты.

– Безумие какое-то, – пробормотала я.

– Буду расценивать это как положительный ответ. – Он с улыбкой хлопнул по оконной раме.

Джунсу прикончит меня, если когда-нибудь узнает об этой сделке. Он сказал, что стрельба из лука – уважаемый вид искусства, а не шоу на канале «Дисней», которое требует, чтобы я выступала на пресс-конференциях (хотя он все равно никогда об этом не узнает). По его мнению, это считалось жульничеством. Но я уступала Лане Альдер и понимала, что она может разрушить мою мечту об Олимпиаде, причем с превеликим удовольствием.

В любом случае папа убьет Хантера Фитцпатрика, если он доставит мне неприятности. А мой брат Сэм избавится от тела. Вот в чем прелесть родиться в семье бандитов.

Похоже, дело несложное. Мне нужно, чтобы меня продвигал крупный спонсор. Об этом мне без устали твердили все, кроме Джунсу. Моя проблема заключалась не в недостатке навыков или таланта, а в том, что я была слишком застенчивой и тихой, чтобы привлекать к себе внимание.

Но все же я ничего не сказала.

Хантер согнул колени и сложил ладони вместе.

– Помоги парню, старина. Даю слово, я не говнюк. То есть хорошим парнем я бы себя, конечно, не назвал, но я безобидный. На кону мое наследство. Я просто хочу, чтобы мы оба пережили это непростое время. Клянусь.

Он казался искренним. Да и потом, в чем тут может быть сложность? Он был добровольным участником этой странной сделки. К тому же я уже давно хотела съехать от родителей. Они беспрестанно доставали меня по поводу моей личной жизни, а точнее ее отсутствия.

– Насколько там большая квартира? – простила я, чувствуя, как решимость ускользает от меня, словно песок сквозь пальцы.

– Три спальни, площадь около двухсот квадратных метров. Небоскреб. В нескольких минутах ходьбы отсюда. Можешь занять свободную спальню под свое снаряжение.

– Ух ты, – выпалила я. Это явно лучше, чем квартиры-студии, которые я присматривала, чтобы сбежать от постоянного ворчания родителей о том, что мне нужно показать себя.

– А еще там будет личный шеф-повар. Я пошутил насчет омлета, я с трудом могу открыть банку пасты в форме букв алфавита. А еще можешь приводить туда своих друзей и ухажеров с Bumble¹⁰ или кого еще захочешь. Я прекрасный помощник на свиданиях, Сейлор. Подам презерватив и вызову такси, чтобы поскорее их выпроводить, когда закончите, чтобы ты могла принять душ и поспать, не изображая из себя радушную хозяйку.

– Ты отвратителен.

– Почему? Буду заказывать им сервис класса люкс через свое приложение. Даже рискну обрушить себе рейтинг, который у меня, к слову, четыре и восемьдесят девять, потому что такой уж я – бескорыстный, надежный парень.

– А разве ты не привлекался к общественным работам за непристойное поведение в публичных местах, после того как пробежал по улице совершенно голым? – Я нахмурилась, вспоминая статью.

– То было год назад, – отмахнулся он. – Теперь я другой человек.

Я совершала ошибку. Знала об этом, когда принимала решение.

Но победу в этой битве одержало мое стремление добиться успеха.

– Тогда в чем загвоздка? – Я посмотрела на него с прищуром. – Раз тебе нужна нянька, значит, тому есть причина.

– Самоконтроль, – ответил он.

– То есть?

– Если говорить прямо: у меня его вообще нет. Просто представь, что я, как Бэмби – до х... милый, но безумно тупой и нуждаюсь в постоянном надзоре.

Он сказал только «до х». К тому же сам назвал себя глупым. Мне даже стало немного грустно за него, пока я не вспомнила, кто он такой.

– Несколько основных правил. – Я откинулась на спинку водительского кресла, так и не выключив двигатель.

Пронзительные, словно алмазы, глаза Хантера заблестели, когда он понял, что я сдаюсь.

– Что угодно.

– Первое: как ты и сказал, мы будем жить в отдельных комнатах.

– Настолько отдельных, что объединять их будет только почтовый индекс.

– Второе: никаких наркотиков, выпивки или девушек в квартире. Я не стану халтурить, и подкупить меня нельзя, если ты вдруг затеешь какие-нибудь выкрутасы.

– Никаких выкрутасов. – Он упер локти в край открытого окна и наполовину влез в салон, напрочь игнорируя мое личное пространство, словно нетерпеливый лабрадор. – Что еще?

¹⁰ Американское приложение для онлайн-знакомств.

– Не заигрывай со мной.

– Договорились, – ответил он как-то слишком уж быстро и поднял руку, будто давал клятву бойскаута. – Быстро же ты составила обо мне мнение.

– Твоя репутация бежит впереди тебя.

– Как и некий орган.

Я подняла руку в знак предостережения.

– Видишь? Об этом я и говорю. Тебе придется завязывать с шуточками, потому что необходимость иметь дело с твоим помойным ртом не входит в компетенции няньки.

– Ладно. Никаких сексуальных намеков. Я могу сказать отцу, что все в силе?

Все происходило слишком быстро. Я даже не успела толком осознать, что Хантер был здесь, не говоря уже о том, на что я соглашалась. Но что-то подсказывало мне: это знак, о котором я сегодня молила. Этот легкомысленный, распущенный парень – мой талисман. Он приведет меня к Олимпиаде в Таллине в следующем году.

К тому же Перси и Белль впадут в оргазмический припадок, когда узнают, что я буду жить вместе с Хантером Фитцпатриком.

Нельзя сказать, что я нарушала свое правило «никаких парней» до окончания Олимпиады.

Хантер – парень, но он мне совсем не подходит. Я не рискую влюбиться в него и утратить концентрацию.

Он схватил мою руку и комично ее пожал. Я заметила, что его ладонь была мягче моей. Наверное, это единственное, что было в нем без изъяна.

– Можно мне тоже установить одно правило? – спросил он.

– Нет, – категорично ответила я, а потом вздохнула. – Ладно, какое?

– Не гугли меня.

– Почему? – И почему он до сих пор пожимает мне руку? И почему, почему, почему я не вырываю ее из его руки?

– Потому что.

«Проще простого, – сказала я самой себе. – Все равно что жить с очень красивой, но бесполезной картинкой».

Четвертая

Сейлор

Как оказалось, это вовсе не то же самое, что жить с очень красивой и бесполезной картинкой.

Больше похоже на жизнь с Тасманским дьяволом, если судить по первым пяти минутам нашего так называемого «соквартиромана» (соквартирного романа, как весело – и жутко – выразилась моя мама Спэрроу).

Через неделю после того, как Хантер подловил меня возле стрелкового клуба, я официально переехала в его квартиру в Вест-Энде. Мама и Перси помогли мне с чемоданами и коробками. Белль хотела приехать, но у нее были «дела». Зная подругу, к этим «делам» прилагался мужчина, которого она намеревалась съесть живьем и выбросить после пары недель веселья. Как только мы втроем вышли из частного лифта и увидели квартиру, то выронили все, что держали в руках, дружно разинув рты.

На первый взгляд она была именно такой, как я ожидала: скудно и со вкусом обставленный интерьер, окна от пола до потолка, новая кухонная техника, не говоря уже про вид на Бостон с высоты птичьего полета, который заставил меня вновь влюбиться в родной город. Здесь царили темно-синий и бордовый цвета, создававшие в пространстве роскошную, но модную атмосферу.

Однако, присмотревшись, я увидела, что квартира выглядела так, будто на нее совершили набег все енты Северной Америки. Одежда Хантера красовалась почти на каждой поверхности: на диване, на телевизоре, на журнальном столике, на полу и даже в раковине. А еще повсюду валялись открытые контейнеры из-под еды навынос, в том числе и на крышке мусорного ведра.

Современная открытая кухня, оформленная в сером цвете, представляла собой качественно новый уровень бардака. В ней все выглядело липким. Из открытых консервных банок

капало. Я даже заметила вереницу муравьев, марширующих от пола к открытой банке с соусом чипотле, лежавшей на кухонном столе.

– Что ж, – весело прошептала Перси. – Он сказал, что у вас будет шеф-повар, а значит, наверняка и домработница тоже. К тому же ты держишь его за яйца. Можешь пригрозить ему, что переедешь обратно к родителям, если он не будет поддерживать порядок в доме. Верно, мисс Бреннан? – Она поставила картонную коробку на свободный уголок на журнальном столике и уперла руки в бока.

– Вообще-то не может. Мы сделаем в комнате Сейлор секс-темницу. – Одной рукой мама собрала рыжие волосы в пучок на макушке, второй держала чемодан за ручку и катила его по коридору.

Я бросила на нее убийственный взгляд.

– Мам. Ужасно мерзко.

Все ее лицо просияло от смеха. У меня сжалось сердце.

– На самом деле мы собираемся устроить в ней второй кабинет. Мне уже некуда складывать документы, а переезжать в более просторную квартиру нет смысла.

– Почему бы не превратить в кабинет комнату Сэма? Он уже много лет не живет дома.

– Потому что его социальная жизнь меня не беспокоит, – прямо ответила мама. – Так что он может вернуться, когда пожелает.

– То есть никогда, – усмехнулась я.

Сэм был печально известным бостонским холостяком с пристрастием к вечеринкам в стиле Уоррена Битти¹¹.

– И я о том же, – заключила она.

Отлично. Теперь мне некуда возвращаться, если – когда – эта затея потерпит крах. Судя по виду квартиры, это уже случилось.

Я не сомневалась, что родители приняли решение превратить мою детскую комнату в домашний офис только для того, чтобы заставить меня остаться здесь. Они очень меня любили, но умоляли быть более общительной. Будь моя воля, я бы до скончания времен стреляла по мишеням и бездельничала с сестрами Пенроуз.

– А знаете что? – Я повернулась к ним, пытаясь казаться более оптимистичной, чем чувствовала себя на самом деле. На самом же деле у меня чуть не лопнула артерия. Хантеру хватило всего десяти секунд, чтобы вывести меня из себя. – Я приведу себя в порядок и устрою все так, как сама хочу, – задам тон на следующие шесть месяцев.

За неделю, что прошла с тех пор, как Хантер сделал мне предложение на парковке, наши отцы встречались бесчисленное количество раз, чтобы обсудить условия этого безумного, имеющего юридическую силу, соглашения. Мы с мамой встретились с Джеральдом и Джейн Фитцпатрик, чтобы подписать контракт. Джеральд был холоден как лед, а Джейн мила, но сдержанна. Хантер на этих встречах не присутствовал, и, как я подозревала, причиной тому были опасения Джеральда, что он скажет что-то неловкое, или же он попросту не хотел, чтобы у Хантера возникло чувство, будто он контролирует ситуацию.

– Уверена? – Мама хмуро на меня посмотрела. – Мы не прочь остаться, а тебе не помешает помощь.

– Уверена, мам. – Я уже выталкивала их за дверь. Знала, что они не станут настаивать, если я открою им свой план.

Отделаться от мамы было нетрудно. Она понимала мое стремление к независимости и потребность делать все по-своему, потому что этим я пошла в нее. Перси – совсем другое дело. Она заботливая душа, наивная и чересчур покладистая. Порой я задавалась вопросом:

¹¹ Американский актер, кинорежиссер и продюсер. Получил популярность благодаря ролям гангстеров: Клайда Барроу в «Бонни и Клайде», Дика Трейси в одноименной ленте и Багси Сигела в «Багси».

что привлекало меня в моей лучшей подруге, которой, как и мне, было восемнадцать? Мы были совершенно разными и внешне и по характеру. У нее были длинные волнистые волосы песочного цвета, огромные голубые глаза и мягкая, традиционная красота цветущей розы. Она училась в колледже, как и хотели ее родители, и не обладала ни каплей бунтарства.

Я была дикой, целеустремленной и зашоренной. Прячала свое тощее тело под неподходящей одеждой: свободными кофтами, мальчишескими кедами и джинсами. И если Персефона (названная в честь греческой богини, которая была похищена Аидом, чтобы жить и править подземным миром вместе с ним) была тихой, но уверенной в себе, то я была неуверенной до мозга костей. Я до смерти любила Перси, потому что мы обе обладали качествами, которые я ценила сильнее всего – мы по своей натуре были преданными и держались в стороне от сплетен.

Собственно говоря, так мы и подружились. Когда я пошла в начальную школу, слухи о моем отце понеслись по коридорам, словно река Миссисипи. Трой Бреннан был печально известным «решалой» Бостона, и поговаривали, что на его руках было немало крови. Но, несмотря на это, Перси и ее старшая сестра Белль отыскивали меня и проследили за тем, чтобы мне было с кем играть на переменах и сидеть за обедом в столовой.

Белль всецело была такой, какой не были мы с Перси: нимфой, падшей богиней. Хитрой, смелой и острой на язык. Смекалистой и дерзкой. Их присутствие рядом со мной означало, что в школьные годы меня никто не дразнил и не обижал.

– Ты уверена? – Перси наморщила маленький носик.

– Да. – Я вытолкнула ее за дверь. – Иди!

Следующие три часа я посвятила тому, чтобы как можно лучше прибраться в квартире, разобрать чемоданы, разложить вещи в своей спальне и разместить в свободной комнате мое стрелковое снаряжение, как мы и договаривались с Хантером. Мы даже не обменялись номерами телефонов, но сделка есть сделка.

С наступлением вечера я плюхнулась на роскошный, обитый атласом диван и застонала, когда спутанные волосы упали на лоб. Два идеально круглых пятна от пота, украсивших мою рубашку под мышками, едва ли можно было назвать афродизиаксом.

Как бы я ни старалась, усталость побеждала, и я начала засыпать, как вдруг двери частного лифта нашего пентхауса открылись, и вошел Хантер, держа несколько пакетов с покупками в руках.

– Привет, сосед, как дела? – Он дернул подбородком в мою сторону и с важным видом направился в гостиную.

Спустился по двум ступеням, ведшим с лестничной площадки в жилую зону, поставил пакеты на журнальный столик и присел на край, упершись локтями в колени. Я сразу почувствовала его запах: кондиционер для белья и мускусный аромат мажора, от которого потекли слюнки, как бы сильно я его ни ненавидела.

Я глянула на Хантера из-под ресниц, готовясь столкнуться с его вызывающей мурашки красотой. Если я думала, что неделя, проведенная вдали от него, ослабит его влияние на меня, то жестоко ошибалась. Его серо-голубые глаза, игриво мерцающие, были похожи на подернутые льдом камни, щеки покраснели от вечернего ветра, губы были полными и припухшими, а золотистые кудри лежали в безупречном беспорядке. В нем все было мужественным, резким и решительным.

– Я принес тебе подарок. – Хантер бросил мне что-то в руки.

Небольшой конверт. Открыв его, я увидела подарочный сертификат из Target. Да, из супермаркета. Я закатила глаза и устало улыбнулась.

– Спасибо.

– Мне нравится, что ты сделала с квартирой. – Он огляделся вокруг, потом поднял мою ногу с журнального столика и снял с нее дырявый кроссовок. Я в ужасе смотрела, как он бросил грязную обувь на пол, взял мою ступню и принялся разминать ее пальцами. Сперва я пыталась

отдернуть ее, но после нескольких часов работы (и лет тренировок в целом) мои мышцы были напряжены и скованы. Массаж был слишком приятным, чтобы от него отказываться.

– Что это ты делаешь, черт побери? – нахмурилась я, глядя, как он кладет мою ступню на свое мускулистое бедро и тщательно ее массирует. Его бедро было таким твердым, что я задумалась, каким по ощущениям было остальное его тело.

Как ЗППП. По ощущениям было бы все равно что подхватить венерическое заболевание, бестолочь.

Было невозможно отрицать, что он умело владел руками, и мне стало любопытно, сколько еще девушек попались в эту ловушку.

– Нисколько, – сказал он, прочтя мои мысли, и многозначительно мне улыбнулся.

– Ч-что? – пролепетала я, ненавидя себя за то, что превратилась в косноязычное нечто.

Его отцу не стоило слепо мне доверять. Если бы он сейчас увидел меня с Хантером, то понял бы, насколько я бессильна. Не скажу, что намерена давать его сыну поблажки, но и устойчивой перед его обаянием я тоже не была.

– Ты гадаешь, сколько раз я проделывал это в качестве прелюдии. Ответ – ни разу. Я делаю это, потому что ты выглядишь дерьмово и тебе нужно отдохнуть. А еще, потому что прибралась в нашей квартире, хотя завтра приедет домработница.

– А, – ответила я, чувствуя себя глупо, но слишком измотано, чтобы злиться из-за этого. – Ты и впрямь знаешь, как сделать девушке комплимент. – Я устала слышать о том, какой непривлекательной была в глазах этого парня. К тому же все, что он делал (даже великолепный массаж), было окрашено издевкой, будто он никогда ничего не воспринимал всерьез.

– А ты хочешь услышать комплименты? – Хантер поднял бровь, сильнее вонзаясь пальцами в мою пятку.

Я закатила глаза и застонала, когда восхитительная боль расслабила мои мышцы.

– Да мне плевать. – Я опустила голову обратно на диван и закрыла глаза. – Где ты вообще был? – Самое время расспросить его и продемонстрировать свою власть.

– Ходил по магазинам.

– С кем?

– С моей сестрой Эшлинг.

Забавное дело, но я помнила его сестру. И брата тоже. Видимо, я окончательно вычеркнула Хантера из своей памяти, потому что он был моим ровесником, красавчиком и таким же недосыгаемым, как Марс. Почему-то все это произвольно делало его врагом в моих глазах.

– Она тебе понравится. Ее повергает в ужас все, что связано с мужчинами и весельем, совсем как тебя.

– Меня возмущает это утверждение.

– Тебя все возмущает.

Я прикусила язык, чтобы не сорваться на него (знала, что уже отомстила за сегодняшний день), и сменила тему.

– Откуда мне знать, что ты не гулял с какой-нибудь другой девчонкой? – Я открыла глаза.

Он шумно выдохнул, проведя длинными, сильными пальцами от ступни к лодыжке и принявшись разминать ее круговыми движениями.

– Во-первых, ты бы поняла, если бы я занимался сексом, потому что я бы источал посторгазменный пыл.

– Не могу поверить, что потекаю, но как выглядит этот твой посторгазменный пыл?

– Боюсь, что не смогу это симулировать. – Он подмигнул, поднял мою ногу с бедра и осторожно положил обратно на стол. Сердце пропустило удар, когда он перестал ко мне прикасаться, но Хантер взял мою вторую ногу и проделал с ней все то же самое: снял кроссовок и размял ступню от пятки до пальцев. – Тебе придется подарить мне оргазм, чтобы это выяснить.

– Ну уж нет, – ответила я.

Он с удивлением посмотрел на меня, водя пальцами по моей лодыжке. Нас поглотила тишина.

– Кто же тогда будет заботиться о Хантере-младшем? – наконец спросил он.

– Твоя рука? – предложила я. – Или яблочный пирог, если тебе нравятся культурные клише.

Я не горела желанием говорить о сексе с Хантером (да и вообще с кем бы то ни было, если уж на то пошло), но не хотела, чтобы он видел, как я взволнована. К тому же было очевидно, что он проверяет меня. Белль и Перси померли бы, если бы услышали, что я говорила о сексе с самим королем секса. Как только я рассказала им о своем соглашении с Хантером, они засыпали меня всеми заслуживающими внимания сплетнями о моем новом соседе, которые я умудрилась упустить. Белль также упомянула что-то о том, что хотела прокатиться на нем, как на украденном велосипеде.

– Как насчет того, чтобы заключить сделку: если я всю неделю буду строить из себя святого и не стану путаться у тебя под ногами, то смогу пару раз с кем-нибудь тайком потрахаться? Мне придется привести их домой, потому что люди отца следят за мной (я уже их видел), но ты всегда можешь выручить парня и сказать персоналу здания, что это твои подруги.

Мои глаза чуть не вылезли из орбит, а кровь в венах вскипела от злости.

– Что?

– Ох. Лады. – Хантер поднял руки. – Не несколько раз. Всего один. Минут на двадцать. Но это мое окончательное предложение.

– Нет, – ответила я.

– Хорошо. Десять минут. Я прослежу, чтобы она вела себя потише. А это точно окончательное предложение.

Он станет ужасным бизнесменом.

– Суть окончательного предложения вовсе не в этом, и ответ по-прежнему – нет.

– Что? – Его улыбка сникла. – Почему нет?

– Я уже говорила, что серьезно отношусь к соглашению с твоим отцом. – Я встала.

Позволять ему прикасаться ко мне, пока мы вели переговоры, было плохой идеей. Меня беспокоило, что его прикосновения лишали меня логики, как и всех остальных девчонок. Я сгребла эту самую логику, словно разбитые крошечные осколки того, что прежде представляло собой цельную статую, и попыталась собраться с мыслями.

Хантер тоже встал, возвышаясь надо мной. Макушкой я доходила ему до груди. Мне пришлось даже запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Да? – Его веселый тон стал совершенно серьезным. – Ты что, в самом деле будешь обламывать мне кайф?

По крайней мере, теперь мне ясно, что вдохновило его на массаж и покупку сертификата в супермаркет.

– Я же не собираюсь докладывать отцу о том, что ты тайком пускаешь ко мне девиц. Это будет наш грязный секретик.

– Я не хочу иметь с тобой никаких секретов. – Я взмахнула руками, выйдя из себя. – Я вообще не хочу иметь с тобой ничего общего. Правильно твой отец делает, что следит за тобой. Ты готов пожертвовать своим будущим ради секса.

– Я вообще не должен стоять перед выбором. – Хантер взъерошил свои волосы золотистого цвета. – Зачем тебе быть стукачкой? И раз уж мы об этом заговорили – почему ты такая странная? Почему занимаешься стрельбой из лука, а не, скажем, зумбой? Что с тобой не так, черт возьми? Ты все усложняешь.

– Тем, что честна? – Я зашлась истерическим смехом и направилась в свою комнату.

Хантер снова погнался за мной быстрым, стремительным шагом, отчего мое сердце подскочило к горлу и заколотилось, стремясь рвануть еще выше. Не припомню, когда в последний

раз у меня так громко стучал пульс. Хантер проскочил вперед меня и преградил путь в коридор, упершись локтями по обе стороны сводчатого прохода.

– Неуверенность тебе не к лицу, деточка, – усмехнулся он, дразня меня.

Я почувствовала, как румянец поднимается от шеи до макушки, и поняла, что глаза заблестели от унижения и ярости.

«Ты уродливый, уродливый ребенок. Ты вообще мальчик или девочка? Ой, забей. Все равно я заберу твое». – Эти слова без конца меня преследовали.

Он напомнил мне о ней.

Он был ее мужской версией.

Девчонки, которая хотела меня сломить, а потому я поклялась сломить ее первой.

Мне хотелось придушить Хантера. Когда он перехватил меня на парковке, то был бесконечно уверен, что я позволю ему делать все, что он захочет. Он знал, что если переспит с девушкой за пределами этой квартиры, то отец его подловит. Я была его единственным шансом, но отказывалась содействовать.

– Иди ты в задницу! – оскалилась я.

– Еще пара таких недель, и я всерьез об этом задумаюсь, Кэррот Топ¹². – Хантер угрожающе приблизил свое лицо к моему. – Чего же ты хочешь? Денег? Влияния? Я могу свести тебя с одним из своих самых известных друзей. Только скажи, Сейлор. Только скажи – и папарацци начнут следить за каждым твоим шагом. Станешь новой Сереной Уильямс. У каждого есть своя цена.

Я помотала головой.

– Не у меня.

– Да брехня. Ты здесь, а значит, мой отец уже тебя подкупил. А теперь, что я могу сделать, чтобы повысить ставки и стать объектом твоей преданности вместо него?

«Убиться об стенку», – хотелось крикнуть мне. Однако это неправда. Если он убьется прямо здесь и сейчас, то я не стану менять объект своей преданности, а станцую над его телом, благодаря богу за то, что избавил меня от шести месяцев пыток.

Зная, что наша первая стычка определит дальнейшее развитие наших отношений, я схватила его за ворот рубашки и притянула к своему лицу, чтобы мы оказались нос к носу. Я почувствовала его дыхание. Коричневая жвачка, мята и грязный, грубый поцелуй, которому никогда не бывать.

Если Хантер и был шокирован моей выходкой, то не подал виду.

– Послушай меня внимательно, Хантер Фитцпатрик. Возможно, в твоих глазах я выгляжу неуверенной в себе занудой с заурядной внешностью. Но знаешь что? Такая уж я есть. Я это признаю. Но не сомневайся, что эта неуверенная в себе зануда имеет в роду людей, с которыми ты не захочешь связываться, а их жестокость передалась и мне. Я без колебаний проткну твое симпатичное сердечко избалованного принца одной из своих острых стрел. Но ты прав: и у меня есть своя цена. Мой успех – вот моя цена. Победа над Ланой Альдер в этом состязании – вот моя цена. В этом плане тебе нечего мне предложить. Будешь практиковать воздержание, трезвость и исполнять прочие требования. Мы будем посещать наши семейные мероприятия, заниматься домашними делами и притворимся теми, кем нас хотят видеть наши родители. А потом мы разойдемся и больше никогда не увидимся. Доступно объясняю?

Вместо ответа он стряхнул мои руки, развернулся и пошел в свою комнату. Распахнул дверь, а потом громко захлопнул ее за собой. Я стояла и ждала в коридоре, скрестив руки на груди, прекрасно зная, что через пару секунд случится настоящий взрыв.

Хантер был прав. Он поддавался своим порывам и действовал бездумно.

¹² Американский актер и комик, известный своими ярко-рыжими волосами, шутками с использованием реквизита и самоуничтожительным юмором.

– Три, – прошептала я, выставив три пальца. – Два, один. – Я загнула их один за другим, не сводя глаз с его закрытой двери. Все тело дрожало от адреналина, страха и веселья.

– Шоу начинается. – Я щелкнула пальцами.

Хантер вылетел из своей комнаты с покрасневшими щеками и потемневшими глазами. Две полные луны.

– Какого хре-е-е-е-е-ена?! – Он тянул букву «е» целую вечность. В его руках были горы хлама: открытые консервные банки, из которых все еще вытекал соус, его грязная одежда, пара дизайнерских ботинок и джойстик. – Ты свалила весь мусор в моей комнате. Ты в своем уме?

– Отличная сцена в духе «Это Спарта!». Все это твои вещи. – Я дернула подбородком, мой голос звучал сурово. – Думала, ты будешь рад получить их обратно, раз уж они были разбросаны по всему нашему общему пространству.

Хантер уставился на меня в потрясении, словно на дикое, побитое животное, которое он должен приручить, на грызуна, разнесшего его дорогой пентхаус.

– Ты чокнутая.

Я мило улыбнулась.

– Меня и похуже называли.

– Теперь все ясно. – Он бросил мусор на пол и указал на меня пальцем. – Ты мое наказание за все, что я натворил. Он выбрал самую безумную девицу в Бостоне, чтобы наставить меня на путь истинный, вот же старый ублюдок.

Возможно, Хантер был прав. Возможно, его отец прознал о том, какой невыносимой, заикленной на карьере отравой веселья я была. Хотя, по сути, меня нельзя было назвать отравой веселья, ведь я не бывала ни на одной вечеринке.

– Не забывай следить за порядком, Хантер. Неважно, есть тут домработница или нет, я ни часа не желаю жить в грязи. Доброй ночи, сосед, – закончила я, зашла в свою комнату и захлопнула дверь у него перед носом.

Счет 1:0 в пользу команды гостей.

Пятая

Хантер

Важно помнить о том, что яйца у меня не отвалятся.

На всякий случай я загуглил этот вопрос несколько раз (двадцать три, если быть точным). Все подтвердилось: я могу продержаться полгода без сексуальных контактов. Физически. Но мой рассудок – другое дело. Если я при этом его лишусь, то разорву Сейлор Бреннан на части, а потом сошью из них секс-куклу.

Эта вспльчивая рыжеволосая банши сказала, что мы больше не заговорим друг с другом, когда истекут отведенные нам полгода, но она ошибалась, если думала, что сможет так легко от меня отделаться. Я уже фантазировал о том, как убиваю ее в разных позах, в разных местах и с помощью всевозможного оружия, как только все закончится. Например:

Я душу Сейлор на фоне сицилийского заката.

Я вспарываю Сейлор горло, пока мы прогуливаемся в парных купальных костюмах на Багамах.

Я сбрасываю Сейлор с канатной дороги во время каникул в живописных Альпах.

Иногда в моих фантазиях она спала, но чаще всего бодрствовала, была в полном сознании и наблюдала за собственной кончиной.

Ночь я провел на диване, потому что не хотел спать в заваленной мусором комнате, и ни за что не стал бы убирать учиненный ею беспорядок.

Ладно, возможно, я тоже был отчасти виноват. Пока Сейлор еще не переехала сюда, я устроил праздник жалости к себе и загадил всю квартиру, чтобы ей тоже было некомфортно. Но ей незачем было придавать этому такое большое значение.

Я спал в одних боксерах. А когда проснулся со стояком, похожим на огромную немецкую сосиску (с таким, что с трудом управляешься с собственным членом, пока отливаешь с утра), я надеялся, что она мельком увидела его, пока не поспешила начать свой скучный день, полный стрельбы и беготни в закат за ручку со своей девственной левой.

Верно, Сейлор. Ты не единственная засранка под этой крышей со смертоносным оружием.

А это привело меня к следующему вопросу: *кто, черт возьми, этим занимается?* Просто стреляет в пустоту? Она не охотилась, не использовала свой талант продуктивно, а просто целилась в бесполезные мишени. Почему это считалось олимпийским видом спорта? Стрельба из лука – это как шахматы, только для нервных людей.

– Сэр, мы на месте, – тихо сообщил мой водитель с переднего сиденья.

Мой первый день работы на Киллиана. А еще мне надо как-то сдать экзамены в колледж в этом году. Я буду совмещать работу с вечерней учебой в муниципальном колледже. Я не был гением в математике, но даже я понимал, что времени на жизнь вообще не оставалось. На этот раз отец всерьез меня поимел, выжидал, пока я веселился в Калифорнии, а потом будто сунул двадцатипятисантиметровый дилдо мне в прямую кишку. Он даже чертов кончик не успел засунуть, а я уже весь извелся от боли.

Сегодня был второй день из ста восьмидесяти двух, но кто считал?

(Ответ: я. Я считал.)

Я вышел из представительского авто и стал проталкиваться сквозь людской поток в центре Бостона, волоча ноги к безумно высокому хромированному небоскребу «Королевских трубопроводов», который девяносто пять процентов бостонцев ненавидели так сильно, что на старте строительства на улице часто устраивались демонстрации. Этот монстр разрушил городской пейзаж, а тот, кто сидел внутри него, собственноручно разрушил мою жизнь.

Лучшее в сегодняшнем дне, помимо того, что я проводил его не с чертовой Сейлор Бреннан, заключалось в том, что я надел костюм от Brioni¹³. Больше всего мне нравилось носить костюмы. Я даже не делал вид, будто мне для этого нужен повод. Я ходил на вечеринки, в кино и рестораны, выглядя как Джей Гэтсби.

Полчаса я провел у охраны, дожидаясь, когда мне выдадут именной бейдж, электронный пропуск и кучу прочего хлама, а потом поднялся на восьмой этаж, где располагался кабинет моего отца.

Я прокрался в главную приемную и подошел к симпатичной секретарше, у которой был такой пустой взгляд, что она вполне могла бы сойти за живую куклу Барби.

Хотя готов поспорить, что она может встать на колени.

– Че-как? Хантер Фитцпатрик прибыл. – Я уперся локтем в ее стойку. – Где мой кабинет?

Двое сурового вида мужчин у меня за спиной обменялись смешками, покачали головами и ушли. Блондинка уставилась на меня с ужасом и сомнением. Возможно, она уловила исходящую от меня агрессию, потому что мне почти две недели не отсасывали.

– Ваш э-э-электронный пропуск? – пролепетала она, едва не вздрогнув.

Я был персоной нон грата среди этих стеклянных стен, а потому был убежден, что не видел полной картины. Но почему она напугана?

Я показал ей карточку, которую получил при входе в здание, и убрал обратно в передний карман пиджака, когда она ее отсканировала.

– И-и-идите за мной.

Быстрым шагом лабораторной мыши она повела меня по основной части офиса с черно-золотыми мраморными полами, окнами от пола до потолка и длинными столами, за которыми перед макбуками сидели сексапильные секретарши и личные помощницы, а мальчишки-посыльные деловито бегали из угла в угол.

Помещение окружали похожие на аквариумы кабинеты. Самый большой из них принадлежал моему отцу, за ним – кабинет Киллиана (второй по величине) и Силли (третий). Блондинка провела меня к старому дубовому столу, который выглядел так, будто его вытащили из

¹³ Итальянский модный бренд.

подземелья Франкенштейна, и на котором стояли телефон и монитор из восьмидесятых. Ну знаете, такие похожие на кирпич штуки, напоминавшие средневековые орудия. Импровизированное рабочее место стояло впритык к стеклянной стене кабинета моего отца.

– Это еще что за хрень? – поинтересовался я с натянутой вежливой улыбкой.

– Э-э-это ваше рабочее место. П-п-прямо перед кабинетом вашего отца, чтобы он мог наблюдать за вашим п-п-прогрессом. – Она произнесла всю фразу так, будто тысячу раз ее репетировала.

Я повернулся и хмуро посмотрел на нее. Так вот почему она была так напугана. Думала, что я убью гонца. Честно говоря, я бы, может, был не прочь слегка придушить ее, пока она прочит мне в одном из общественных туалетов, если ей такое нравилось. Как я уже говорил, я не склонен к насилию.

Секретарша прокашлялась и выпрямила спину.

– В-в-ваш отец сказал, если вас что-то не устраивает, то вам стоит обсудить это с отделом кадров, а п-п-потом...

Я не стал ждать, пока она закончит мысль когда-нибудь в следующем году. Заглянул в кабинет отца, распахнул стеклянную дверь и спешно вошел с приятной улыбкой на губах. Блондинка побежала за мной, сбивчиво извиняясь перед моим отцом, Силли и Киллианом. Оба сидели перед ним за его столом, склонившись над чертежом.

Я жестом велел блондинке уйти.

– Шоу окончено, милая. Можешь и дальше смотреть «Певца в маске» под столом, думая, будто никто не знает, чем ты занята. Так все и было.

Мне хотелось захлопнуть дверь у нее перед носом для большего эффекта, но здесь оказалась одна из этих модных, медленно закрывающихся дверей, так что мы еще секунд восемь стояли и наблюдали, как она уныло скользит до упора. Через стекло я увидел шок и ужас на лице секретарши.

Я повернулся к отцу и с фальшивой улыбкой раскрыл объятья.

– *Athair*, – произнес я. «Отец» на гаэльском. – Очень рад тебя видеть. Иными словами, я хочу знать, почему ты продолжаешь на меня наседать, раз и так уже все у меня отнял?

Меня не волновало, что Киллиан и Силли тоже были здесь. Силли был почти что членом семьи, а Киллиан был им по факту. К сожалению, конечно.

Песня текущего настроения: «Greek Tragedy» от The Wombats.

– *Ceann beag*, вижу, что воздержание дурно влияет не только на твои мозги, но и на манеры. – Киллиан вскинул бровь, которая была на тон темнее моих.

У этого засранца все было темнее, чем у меня, – в том числе душа. Мне всегда казалось ироничным, что имя Киллиан звучит для меня синонимично со словом «злодей».

– У него и так никогда не было мозгов, так что не трать свое время на беспокойство о том, что на них что-то дурно влияет. – Отец, нахмурившись, снова посмотрел на разложенные на столе документы, план нового нефтеперерабатывающего завода, о котором все внизу судачили. Он поправил очки для чтения и задержал маркер над бумагой. – А теперь что не так, *ceann beag*? – спросил он.

«*Ceann beag*» на гаэльском означало «малыш», что было бы мило, если бы не то обстоятельство, что не я был ребенком в нашей семье. Ребенком была Эшлинг. В моем понимании я попросту отхватил самую маленькую частичку отцовского сердца из нас троих.

– Соседка пришлась тебе не по вкусу? – Уголок его рта дрогнул в подобии ухмылки, пока он делал пометки маркером по всему чертежу.

Я не проглотил наживку. Он ожидал услышать, как сильно я ненавижу прямолинейную зануду Сейлор. И разумеется, так оно и было, но зачем доставлять ему такое удовольствие?

– Сейлор? Она великолепно. И к тому же чертовски сексуальна. Как жаль, что я в последнее время практикую воздержание, – брякнул я, прислонившись плечом к одной из стеклянных стен.

Я понимал, что это была самая настоящая провокация. Если у моего отца сложится впечатление, будто я трахаю Сейлор Бреннан, в то время как на самом деле я ее не трахал, и Сейлор станет рьяно это отрицать (а так оно и будет), то отцу придется соблюдать сделку с нами обоими.

Трой Бреннан, отец Сейлор, по слухам, составлял серьезную конкуренцию старухе с косой. А значит, Сейлор в итоге получит все, что ей обещано, а я – все, что обещано мне. Даже моему отцу хватило бы ума не дразнить такого парня, как Бреннан, намеками на то, что я трахнул его малышку.

Пока я не имел неудовольствия встречаться с ним лично, поэтому было несложно использовать его дочь в качестве пешки.

Лицо моего отца помрачнело, когда он оторвал взгляд от чертежа и пристально посмотрел на меня.

– Раз все так великолепно и замечательно, то что ты делаешь в моем кабинете, к тому же без приглашения?

Я указал на свое место за дверью.

– Собачья лежанка больше бы подошла.

– Возможно, но она не вписывается в общую планировку, – закончил отец, зажав маркер зубами и с улыбкой его стиснув.

– Может, и кормить меня будут объедками, когда остальные члены команды закончат обедать?

– При условии, если будешь вести себя как воспитанный джентльмен, а не отбракованный участник шоу «Girls Gone Wild»¹⁴.

Отец наслаждался этим разговором, и все то, на что я клал хрен на протяжении многих лет, начало собираться в одну внушительную кучу. Мне было не все равно, и это приводило меня в ярость. В частности, меня заботило, как сильно меня ненавидела собственная семья. Мало того что в Бостоне у меня совсем не было друзей и я избегал своей семьи, как чумы, так теперь мне придется день за днем сидеть на позорном месте возле отцовского кабинета.

– Я хочу кабинет, – отрезал я.

– Заслужи его, – бросил мне вызов отец. – В тебе вообще нет ничего серьезного.

Кроме моего стояка.

Ладно, черт. Это не конструктивно.

– Ну хватит вам. – Силли встал, махая руками в попытке успокоить бурю, разбушевавшуюся в кабинете.

Он был долговязым, бледным, как труп, мужчиной, а темная, тщательно выбритая щетина к тому же придавала его коже голубоватый оттенок.

Меня не удивляло, что Киллиан молчал. Наблюдать, как отец устраивает мне допрос с пристрастием, было его любимым занятием, пожалуй, кроме принесения в жертву Сатане девственниц и котят.

– Давайте все успокоимся, – предложил Силли. – Может, сделаем небольшую перестановку и выделим ему стол рядом с помощниками? Так ему будет легче учиться.

– Нет, – прогремел отец. – Он будет там, где я могу его видеть. Мы с Киллом сами обучим его всему, что нужно.

– Я понимаю. Но Хантер все же Фитцпатрик и должен быть соответствующим образом отмечен в знак солидарности. При всем должном уважении... – любезно начал Силли.

¹⁴ Развлекательная франшиза для взрослых.

Настал черед Киллиана встать с места, пренебрежительно взмахнув рукой, будто старик был обычной прислугой. Мне кажется, Киллиан даже дышать не мог, не источая при этом извращенного высокомерия.

– Спасибо, – рявкнул он Силли, который был вдвое его старше. Ублюдок.

– За что? – нахмурился тот.

– За то, что извинишься и оставишь нас наедине. Иди.

– Но...

– Умей с достоинством принимать поражение. – Килл сверкнул хищной ухмылкой, обнажая зубы, будто обещая укусить, если его спровоцировать.

– Ты позоришь и себя, и мальчишку. Уйди.

Сильвестр уставился на него, разинув рот, а потом кивнул и неторопливо пошел к тому месту, где я стоял возле двери. Опустил руку мне на плечо и одарил сочувственной улыбкой.

– Рад снова тебя видеть, сынок, – прошептал он.

Я сжал его ладонь, лежащую на моем плече, и слегка кивнул. Как только Сильвестр ушел, я повернулся к брату.

– Черт возьми, мужик, ну ты и сволочь.

– Подумать только, ты потратил двенадцать лет на обучение в частной школе, чтобы потом так выражаться. – Киллиан аккуратно развернул на столе чертеж, стоя ко мне спиной. Этот говнюк никогда не ругался. – Уже слишком поздно просить, чтобы тебе вернули деньги, *athair?*

– К сожалению, да, *mo órga*. – Мой золотой.

– Моя вина, что я жив. Раз уж на то пошло, отцу стоило вытащить до того, как меня зачали, – пробормотал я, не сдержавшись.

Я был единственным Фитцпатриком, который своей бранью мог посоперничать с нашими предками, прибывшими на кораблях в Массачусетс из Ирландии чумазыми моряками с лексиконом уличных рэперов.

Оба посмотрели на меня с нескрываемым презрением. Меня взбесило, что они были едины и имели отношения отца и сына, а я был чужаком в этом городе, в этом здании и в их доме, в котором мне были не рады.

– К слову об этом... – Брат повернулся ко мне.

Я и забыл, каким высоким был Киллиан. Костюм от Armani сидел на нем так, будто он в нем родился. Его темно-русые волосы были аккуратно подстрижены, а глаза – золотистого и соломенного цвета, под стать его прозвищу – *mo órga*.

– Твое домашнее порно все еще гуляет по интернету? – спросил он.

Когда я сел в частный самолет отца авиакомпании «Гольфстрим», летевший из Сан-Диего в Бостон, то узнал, что он собрал команду из шести айтишников, чтобы те попытались не только удалить эту дрянь из киберпространства, но и держать СМИ подальше от этой истории.

Это лишь доказывало, что отец понятия не имел о том, как устроен интернет. Если что-то хотя бы на секунду попало в сеть, то останется там навсегда. Обязательно найдется тот, кто сохранит или сделает репост. Я не хотел сообщать отцу новость о том, что даже ему не по силам изменить интернет, поэтому просто позволил насладиться моментом. Но я не питал никаких иллюзий. Видео останется там, это точно.

Когда я заглянул в поместье Эйбери-корт, перед тем как свалить в свой дом в форме члена, мама спросила, не боюсь ли я, что все это увидит моя будущая жена. А я ответил, что в таком случае она поймет: у нее есть все основания восторгаться моими способностями.

А если серьезно? Я не женюсь ни за что на свете. Зачем покупать корову, если можно заработать непереносимость лактозы, потягивая молоко из каждой сиськи в округе? Я видел, как мои друзья влюблялись и шли на все, чтобы заполучить девушку. Похоже, это то еще бремя.

– Нет. – Я самодовольно ухмыльнулся Киллиану, пытаюсь сохранить остатки гордости. Я постепенно начал смиряться с тем, что отец испортит следующие полгода моей жизни, и мне остается только продержаться до конца. – Все удалено. Во всем, что касается общественности, я такой же золотой, как и ты, старина.

Отстойно, что я даже не мог вспомнить эту тупую оргию, из-за которой вляпался в неприятности. Мне бы очень хотелось держаться за эти драгоценные воспоминания каждый раз, когда приходится иметь дело с отцом или Киллом.

– Прекрати говорить «старина». Ты не Великий Гэтсби, – сказал отец.

– У Килла все вокруг сводится к бесконечному соперничеству, – прорычал я.

– Так и есть. А ноют по этому поводу как раз проигравшие.

– Точняк, че, – кивнул я, лопнув пузырь жвачки с корицей.

– Точняк? Че? – Килл бросил на меня взгляд, каким смотрят на последствия ужасной автомобильной аварии. – Да кто так разговаривает? Что ты имеешь против английского языка? Ты коверкаешь его при любой возможности. Английский обидел тебя, когда ты был ребенком? Покажи мне где на кукле¹⁵.

– Здесь. – Я прислонил указательный палец к виску, изобразив рукой пистолет, и шумно выдохнул, делая вид, будто стреляю себе в голову.

Брат покачал головой и оставил меня наедине с отцом. Было странно находиться с ним в одном помещении без посторонних, это и впрямь было редким явлением.

Казалось, отец всегда питал слабость к невинной Эшлинг и восхищался дьявольски умным и хладнокровным Киллианом. А я был диким созданием, которому не хватало лоска Фитцпатриков, и мы оба знали почему, хотя никому не хватало духу сказать об этом вслух.

Отец снял очки и, положив их на стол, откинулся на спинку кресла.

– Помнишь документ, что я тебе показал? Тот, в котором я вычеркнул тебя из завещания? – спросил он.

– Такое я не скоро забуду. – Я выплюнул жвачку в мусорное ведро в другом конце кабинета, с легкостью пульнув ее прямо изо рта.

Мне было не стыдно признать, что я хотел получить семейное состояние, и очень сильно. Наследство было моим единственным шансом на выживание. Я не умел ничего, кроме как трахаться и закатывать вечеринки. С такими способностями я мог стать только стриптизершей в Лас-Вегасе. К сожалению, для этого мне не хватало сисек.

– Я отправил его своему адвокату, подписанный и твоей матерью, и мной. – Отец постукал пальцем по подбородку, обдумывая свои слова.

Я почувствовал, как кровь закипает в жилах, и сжал руки в кулаки.

– Зачем ты это сделал, ведь я же согласился на твои условия? – спросил я спокойнее, чем рассчитывал сам.

Истериками в доме Фитцпатриков ничего не добьешься. Чем ты эмоциональнее, тем выше риск, что отец и Килл разобьют тебе сердце.

– Велел придержать его, пока не закончатся твои шестимесячные ограничения, чтобы ты понимал, насколько серьезно мы с твоей матерью относимся к этому вопросу.

Я ничего не сказал. Я оказался в его власти, и это приводило меня в бешенство. Возможно, пойти в колледж и найти себе какую-то опору было не такой уж плохой идеей. Я посмотрел в окна на неясные очертания небоскребов Бостона. Сжал пальцами деревянную лошадку, висящую у меня на шее.

– Брось терзать свои жемчуга и не вздумай связываться с девчонкой Бреннан, – прорычал отец.

¹⁵ Имеется в виду техника работы с детьми – жертвами насилия, когда их просят показать на кукле, где и как их трогали.

Убрав руку от лошадки Дала, я прикусил щеку, пока не почувствовал теплый солоноватый вкус крови во рту.

- А теперь выметайся из моего кабинета и привыкай к новому рабочему месту.
- Да, сэр.

В какой-то момент я подумал, что хуже этот день стать уже не может, но мне не стоило его недооценивать. Следующие несколько часов я потратил на то, чтобы изучить все доступные материалы о «Королевских трубопроводах» и ознакомиться с политикой, историей и зарождением компании.

Я до хрена всего о ней не знал.

Например, о том, что в 2015-м активисты GreenWorld вырубил шестьдесят восемь наших станций в США в знак протеста против бурения скважин в Арктике.

Как и о том, что наша компания одной из первых в штатах начала принимать на работу людей с особыми потребностями, или о том, что несколько школ в Восточной Азии и Африке были названы в честь моей семьи, потому что мы их финансировали.

«Королевские трубопроводы» были палкой о двух концах: были хорошими для одних сообществ и пагубными для других. Я задавался вопросом: было ли отцу и Киллиану хоть какое-то дело до того, что они засирали окружающую среду? Предполагаю, что никакого.

После адского дня мой дерьмовый, любящий унижать братец проверил мои знания о компании и отправил обратно за стол с шестью толстенными книгами, которые я должен был прочесть. В результате я, пошатываясь, выполз из офиса в семь вечера, умирая с голоду и пропустив первое вечернее занятие в колледже, да к тому же с такой головной болью, будто кто-то устроил у меня в черепе рейв, на котором все присутствующие выплясывали на высоченных каблуках.

Мне хотелось только одного: поймать такси, вернуться домой и уткнуться лицом в любое блюдо, которое приготовил сегодня повар. Я вызвал Uber и стал ждать, стоя на обочине центральной дороги и наблюдая, как на залитую желтым светом улицу опускается бархатная синяя ночь. Передо мной остановилась новенькая «Мазерати». Пассажирская дверь распахнулась.

– Садись, – велел голос с отчетливым южным акцентом.

Я вскинул бровь и помотал головой.

– Прекрасное, очень заманчивое предложение, но думаю, что откажусь.

Было приятно знать, что я все еще сохранил свою внешнюю привлекательность, даже отработав полный рабочий день. Неважно, что слова были сказаны мужиком, комплимент – есть комплимент, важный знак. *Остался еще сто восемьдесят один день воздержания.*

– Садись сейчас же, иначе нанесу визит в твою новую шикарную квартиру. Предупреждаю: ты не захочешь, чтобы девушка стала свидетельницей предстоящего нам разговора.

Трой Бреннан.

Чертчертчертчерт.

Они с моим отцом обсудили все важные детали моего соглашения с Сейлор, но сам я никогда с ним не встречался. Не сомневаюсь, что это было решением отца. Наверное, он хотел защитить меня от неминуемой смерти, потому что я непременно ляпнул бы что-то неуместное

или оскорбительное. А может, все дело в том, что он больше гордился собственным дерьмом, чем мной и моими грязными делишками.

Так или иначе, Бреннан был здесь и хотел поговорить. Так что избежать этого не было возможности. Я сел в его машину, пахло полированной кожей и почти осязаемым богатством. Я мог ощутить его вкус на языке. Сделал глубокий вдох. Проведя девять часов в офисе, я чувствовал себя так, будто отпахал десять лет в шахте.

Я прижался головой к прохладной, гладкой коже и закрыл глаза, зная, что он наблюдает за мной. Кадык нервно подпрыгнул, и я облизнул губы, не обращая внимания на его острый, словно лезвие, взгляд.

Трой тронулся с места. Я не стал спрашивать, куда мы едем. Сомневался, что он мне скажет, но даже в таком случае вряд ли я мог что-то сказать по этому поводу. Хорошая новость: если я умру, то мне, по крайней мере, не придется идти завтра на работу.

– Я полагаю, официальное представление нам ни к чему. – Он свернул в переулок, срезая улицы Хеймаркет и Боудоин-сквер.

– Абсолютно, – тихонько ответил я.

Я вот-вот засну в его машине. Он мог бы прирезать меня прямо сейчас, а я бы думал только о том, как приятно и тепло будет лежать в мешке для трупов. Мне даже было наплевать, что мне понизят рейтинг в Uber за то, что я кинул водителя.

– Тогда, я надеюсь, ты знаешь, зачем ты здесь. – У Троя был чертовски злодейский голос. Он говорил, как Шредер из фильмов про «Черепашек-ниндзя».

Чувак был весьма доверчивым ублюдком для того, у кого, по слухам, в шкафу было скелетов не меньше, чем на кладбище. Я с трудом открыл глаза и подавил зевок. Попытался сосредоточить взгляд на его скрытом тенью профиле.

– Предполагаю, что речь пойдет о чем-то вроде: не трогай мою дочь, не смей рвать ей душу (или девственную плеву), не подкидывай ей мысли о долгосрочных отношениях, бла-бла... – Я замолчал, гадая, что же повар приготовил на ужин. Я даже не знал, был ли он девкой или парнем, молодым или старым. Наверное, при моем нынешнем расписании я этого никогда не узнаю.

Трой резко остановил машину, судя по звуку, оставив следы торможения на асфальте. Машины позади него начали сигналить. Я услышал визг шин, а за ним легкое столкновение. Но Трой лишь уставился на меня, будто никогда еще не видел настолько чокнутого придурка.

– Нет, клоун ты эдакий. Думаю, у тебя нет никаких шансов с моей дочерью. Она не такая, как заурядные девицы, к которым ты привык. С чего бы мне вдруг думать, будто ее нужно защищать от тебя больше, чем тебя – от нее?

– Да. С чего бы? – поинтересовался другой голос у меня за спиной.

Я так высоко подскочил в кресле, что ударился головой о крышу. Срань господня. Я резко обернулся, нахмутив брови. На заднем сиденье в тени сидел мужчина. На вид он был высоким, массивным парнем европейской наружности и похож на бандита, чуть старше меня и чертовски жестким.

– А ты кто? – Я вскинул брови.

– Сэм Бреннан. Приемный сын Троя.

– Просто сын, – бесстрастно поправил Трой.

Как мило. Даже серийный убийца и редкостный ублюдок любил своего ребенка больше, чем мой отец любил меня.

Я слышал о Сэме. По слухам, его усыновили еще в юном возрасте. Его родителями были лучший друг Троя и его бывшая любовница. Трой и его жена Спэрроу официально усыновили его примерно в то же время, когда родилась Сейлор.

– А потому я к тому же слегка неуравновешенный, заботливый брат Сейлор, который всегда готов к драке. Ну а ты, соответственно, идеальный кандидат на встречу с моим кулаком.

Боже, ну и семейка. Неудивительно, что Сейлор была такой нестигаемой. Видимо, тестостерона в доме Бреннанов хватило бы на все мужские общаги Восточного побережья.

– Вы мне угрожаете? – оскалился я.

– Да, – хором ответили Трой и Сэм.

Маленькая чертовка умела обращаться со смертоносным оружием с олимпийским мастерством. Если кого-то и нужно было защищать в этой гребаной квартире, так это меня.

– Если вы считаете, что ваша драгоценная Сейлор слишком хороша для меня, тогда почему я здесь?

Еще больше машин начали сигналить. Белая «Хонда» издала непрерывный рев, от которого давление в моей голове подскочило до взрывоопасного уровня. Мне хотелось спалить весь Бостон дотла, начиная с Троя, Сэма, Сейлор и моих ближайших родственников (возможно, пощадив Эшлинг и ее домашнего хорька Шелли, если он еще не сдох).

– Ты здесь, поскольку я слышал о том, какие выходки ты устраивал в Калифорнии, и не хочу, чтобы моя дочь пострадала из-за того, что воспитанием ты не дотягиваешь до шимпанзе. Так что говорю сразу: никаких шуточек, никаких выкрутасов, никакого баловства. Будешь поддерживать в квартире чистоту и порядок, не будешь шуметь и станешь вести себя с ней вежливо и обходительно. Дружелюбно. Ясно?

У Троя был весьма беззаботный вид для человека, который перегородил оживленную улицу Бостона в час пик. Я задумался: каково было разгуливать с яйцами весом по пять тонн? Думаю, это влекло массу проблем со спиной.

Я посмотрел на него, как на сумасшедшего. Честно говоря, таким он и был.

Неужели Сейлор проболталась своему папочке о том, что у меня напрочь отсутствуют организационные навыки? Она была непохожа на стукачку. С другой стороны, что я вообще о ней знал?

Что она может тебя убить. И что такая мысль кажется ей заманчивой.

– Я веду себя дружелюбно до невозможности, сэр. Даже преподнес ей вчера подарочный сертификат.

А еще сделал массаж ног, пока она не сорвала весь мой план, но я решил умолчать об эпизоде с прикосновениями из-за беспокойства за собственные яйца.

– Ей не нужны подарочные сертификаты. Лучше в качестве подарка не будь идиотом. Ведь если причинишь ей боль, то мне придется тебя убить. И это не фигура речи. Я в буквальном смысле слова тебя убью.

Я уставился на него, ожидая, когда он засмеется и похлопает меня по спине. Этого так и не случилось.

– Он тупой или просто в шоке? – спросил Сэм позади нас, запалив сигарету.

– И то и другое, – невозмутимо заключил Трой.

– Просто в шоке, – огрызнулся я. – Не каждый день мне угрожают убийством.

– Удивительно, – насмешливо заметил Трой.

– Это обещание на случай, если ты перейдешь черту, – поправил Сэм. – Так что, по сути, это не угроза.

Я пытался придумать, что мне ответить, не выглядя при этом, как плаксивое чмо.

– Я расскажу своему старику.

Черт, не то. Я говорил как плаксивое чмо и к тому же слабак.

– Он уже в курсе и, скажем так, не сочтет это большой потерей. – Трой приподнял бровь.

Туше.

– Я могу сообщить в полицию, – возразил я.

– Они у нас в кармане, – ответил Сэм с заднего сиденья, вызывая зевнущее чмо. – Хочешь поговорить о нашем соглашении еще с кем-то или, может, уже отрастишь яйца и станешь наконец порядочным человеком, мать твою?

Раз уж так, тогда, полагаю, у меня и впрямь не было особого выбора.

К тому же меня что, осуждала парочка убийц? *Мне в самом деле стоит внимательно присмотреться к своей жизни.*

Трой поехал дальше, но несколько машин успели объехать его по обочине. Проезжая мимо, люди кричали и показывали нам средний палец. И только когда мы доехали до похожего на член здания в Вест-Энде, где жили мы с Сейлор, я осознал, что всю дорогу сидел, задержав дыхание.

Как только Трой разблокировал двери, я вдохнул кислород, будто вынырнул, проведя три минуты под водой, и открыл дверь.

– Запомни, – сказал он из салона, а его лицо оставалось скрыто в тени. – Веди себя хорошо.

– И чисто, – прогремел сзади голос Сэма.

– Я загублю ее своей добротой, – угрюмо буркнул я.

– Господи Иисусе, впервые встречаю того, кто так сильно жаждет, чтобы ему врезали, – пробормотал Трой. – Выметайся, пока не получил то, на что напрашиваешься.

Поднимаясь в пентхаус на лифте, я осознал, что же стало вишенкой на дерьмовом торте, который преподнес мне сегодняшний день: наверняка люди моего отца видели, как я сел в машину Троя (они всюду следили за мной), но ни черта не предприняли по этому поводу.

Я и правда был совсем один в этом мире.

Шестая

Сейлор

На этой неделе мое лицо было расклеено на всех автобусах Бостона. Это была старая фотография, на которой я улыбалась в камеру, прижимая к груди лук. Надпись гласила: «Сейлор Бреннан из Бостона – на Олимпиаду!»

Дело рук Джеральда Фитцпатрика. Он выполнял свое обещание привлечь ко мне больше внимания. Нанял команду, чтобы вести мои заброшенные (читай: несуществующие) аккаунты в социальных сетях. А еще выделил для меня PR-менеджера. Ее звали Кристал, и у нее был выраженный лонг-айлендский говор, который звучал с таким хрипом, будто она выкуривала по пять пачек сигарет в день.

Каждый раз, когда я видела свое лицо, маниакально ухмыляющееся с автобуса, мне хотелось сжаться до размеров яблока, но я не жаловалась.

А еще Хантер.

Последние пять дней он всячески игнорировал мое существование. По крайней мере, он при этом был аккуратен и вежлив.

Честно говоря, у нас обоих почти не было времени для общения. Я каждый день уходила из дома в шесть утра, чтобы позаниматься в тренажерном зале, а потом ехала в стрелковый клуб, где тренировалась или давала уроки допоздна. Хантер работал и учился с девяти до восьми.

Придя домой, он относил по две тарелки того, что наш повар Нора оставляла на плите, в свою комнату, вооружившись учебниками для занятий в колледже, и ногой захлопывал за собой дверь. По утрам я обнаруживала, что тарелки вымыты, дверь в его спальню слегка приоткрыта, а в коридоре слышался его тихий храп.

Меня беспокоило, что он не отдыхал. Хотя не должно было беспокоить.

Хантер – не моя забота.

... но вообще-то все же моя.

Следить за тем, чтобы с ним все было хорошо – часть моей работы. Я задумалась, не написать ли мне Джеральду о настроении Хантера. Я должна была еженедельно предоставлять главе семейства Фитцпатрик подробный отчет, но формального характера, и он ничего не упоминал о психическом здоровье Хантера.

Я не говорила со своими родителями о Хантере. Оставляла без внимания все вопросы о нем и упорно рассказывала им о Джунсу и своих тренировках, которые с каждым днем становились все более изнурительными. Меня спасала только мысль о том, что в субботу мы с Хантером вместе посетим мероприятие по сбору средств, организованное «Королевскими трубопроводами». Тогда-то я и смогу узнать, как он.

Фитцпатрики решили, что нам всем будет лучше встретиться на нейтральной территории, чтобы познакомиться друг с другом перед тем, как мы начнем приходить друг к другу на ужин. Они и не подозревали, что я была готова встретиться с ними даже в Антарктиде или в грязном переулке, если мне можно будет прийти в рваных джинсах, кедах и спортивном топе. А поскольку о том, чтобы прийти в таком виде на званый ужин на пять тысяч человек в роскошный отель «Рузвельт» не могло быть и речи, мне пришлось купить себе платье.

У меня не было ни одного платья. Белль и Перси, которые обладали более пышными телами, а потому ничего не могли мне одолжить, бросились на помощь. Я думала, что они будут таскать меня по магазинам в торговом центре (что, в моем понимании, пытка) и уже приготовилась к адскому вечеру.

В пятницу, сразу после того как у них закончились занятия в колледже, а Джунсу отпустил меня с тренировок, Эммабель прислала мне сообщение с просьбой встретиться с ними по адресу на юге Бостона. Найдя его на карте, я обнаружила, что на этом месте находилась мясная лавка. Я решила, что задавать вопросы было бы проявлением неблагодарности, а потому просто надеялась, что они в курсе, что я не из тех девиц, которые предпочитают странные модные образы в духе мясного платья Леди Гаги.

Я припарковалась перед рядом зданий из красного кирпича. В одном из них виднелась черная железная дверь, которая, видимо, вела в мясную лавку. Я ждала в машине, не выключая двигатель и покусывая омертвевшую кожу на пальце вокруг ногтя. Из динамиков трубила песня «There's No Home for You Here»¹⁶ в исполнении The White Stripes. Она напомнила мне о Хантере.

Я подумывала забить на благотворительную кампанию. Я ненавидела вечеринки, ни разу в жизни не танцевала, а еще неспроста никогда не ходила по магазинам – примеряя красивую одежду, я чувствовала себя расфуфыренной куклой. Я наблюдала, как мои ребра и очертания грудной клетки проступают под тканью.

И все же мой внутренний боец заставил меня довести дело до конца. Семья Хантера на меня рассчитывала, а мне была нужна поддержка его отца, к тому же я была в долгу перед Хантером, пусть и испытывала к нему неприязнь.

Стук в окно машины заставил меня подпрыгнуть от неожиданности. По какой-то дурацкой причине я подумала, что это был он. Но нет. За окном стояла Белль, одарив меня широкой белозубой улыбкой. Она пошевелила светлыми бровями и открыла передо мной дверь, отвесив легкий поклон. Персефона стояла позади нее, подпрыгивая на месте и пища от восторга. Я вышла из машины, глядя на них с подозрением.

– Мясная лавка, да? – Я схватила свою коричневую кожаную сумку и закинула ее на плечо, хмурясь от их коллективного волнения.

– Мысли шире, шлюшка, – улыбнулась Белль. – Этот говнюк офигеет, когда увидит, какая ты сногшибательная под этими тряпками.

¹⁶ Название песни переводится «Тебе здесь нет места».

– Правда, Хантер помрет, когда мы с тобой закончим. – Персефона принялась чуть ли не пихать меня по улице в сторону таинственной черной двери.

– Это обещание? – тихо спросила я.

Завтра мне в самом деле придется поговорить с Хантером спустя пять дней полного молчания. К моему удивлению, моя ненависть к нему немного ослабла, превратившись в легкий проблеск неприязни.

– Мы с Перси пришли к такому выводу: чтобы Хантеру повзрослеть и стать ответственным, а тебе... ну, отвлечься от дел и смекнуть, что к чему, вам двоим нужно влюбиться, – пояснила Белль, постучав в железную дверь, которая задрезбезджала от колец, украшавших ее пальцы.

Если Персефона обладала традиционной красотой, то Эммабелль была пикантной красоткой, которую невозможно приручить. Перси надела платье в горошек, а Эммабелль – облегающие кожаные брюки и белую дырявую дизайнерскую блузку, которая наверняка стоила целое состояние. У нее были большие, пухлые ярко-красные губы и темно-синие глаза, как океан в дождливый день. Если Хантер считал, что я остра на язык, то Белль окончательно его уничтожит, выглядя при этом как давным-давно потерянная сестра Хадид¹⁷.

– Единственный человек, которого Хантер Фитцпатрик способен любить – это он сам. Но даже это у него получается дерьмово. Только посмотрите, в какие неприятности он вляпался, – заметила я.

Белль и Перси были единственными, кроме членов моей семьи, кому я рассказала о своей договоренности с Хантером. Я знала, что они ни за что не расскажут об этом ни единой душе, поэтому доверяла им свою жизнь.

Дверь открыли, она заскрипела, борясь со слоем ржавчины. Сморщенный старик с седыми волосами и в виниловом фартуке мясника кивнул нам в знак приветствия, а затем молча повел на задний двор. От него пахло потом и сырым мясом, а отнюдь не универмагом Масы's. Мы пошли за ним к ангару. Я уже собралась спросить подруг, не решили ли они внезапно пройти квест, когда старик отпер дверь, открыл ее и жестом пригласил нас войти.

– На все скидка семьдесят процентов от розницы. Без чеков. Без возвратов, – сурово сообщил он, а потом развернулся и ушел.

Я в недоумении уставилась на подруг.

Белль пожала плечами, сняла с головы панаму и бросила ее сестре.

– Розничная торговля – это всего лишь очередное имя дьявола, а дьявол носит Prada. Так уж вышло, что я не могу позволить себе вещи Prada, но могу позволить это.

– Откуда он берет эти вещи? – Мои глаза вспыхнули, хотя не мне читать кому-то нотации.

Мой отец управлял весьма незаконным магазином, а Сэм пошел по его стопам. Разница в том, что я не имела никакого отношения к их делишкам.

– На него работают ребята, которые грабят суда, пока те не прибыли в Порт. Прямо как на Диком Западе. Они знают, где искать и... что забирать. – Эммабелль хихикнула, зажгла свет с уверенностью, говорившей, что она была здесь постоянным гостем, и прошла в глубь помещения.

Все было заставлено вешалками. Бесконечными рядами свадебных и вечерних платьев и таких дорогих нарядов, какие я видела только на голливудских звездах. Я открыла рот, собираясь сказать подругам, что все это плохая идея, но Перси заткнула меня, прижав палец к моим губам.

– Слушай, я тоже от этого не в восторге. Но ты ненавидишь торговые центры, людные улицы и... ну, знаешь, людей. Это лучший вариант.

– Это неправильно, – прошептала я.

¹⁷ Американские сестры-супермодели.

Я всегда закрывала глаза на то, чем занимались мой отец с Сэмом. Это позволяло мне любить их безусловно. Но не значило, что я согласна с тем, какими методами они решили зарабатывать деньги.

– Идем, Сейлор, – усмехнулась Эммабелль. Верхняя часть ее тела уже утонула в пышных тканях, когда она принялась перебирать платье. – Единственные, кого мы кидаем, – это дизайнеры, что берут по две тысячи за платье, пошив которого обходится в пятьдесят долларов. Американская экономика не рухнет, если ты купишь одно вечернее платье.

Я кивнула, сделав глубокий вдох.

– Ладно, тогда выберите то, в чем я, на ваш взгляд, буду похожа на изысканный десерт.

Перси хлопнула в ладоши, прошла мимо сестры к вешалке с платьями самого маленького размера и принялась их перебирать. Я стояла и обкусывала омертвевшую кожу на большом пальце, пока они одно за другим снимали с вешалки платья мне на примерку и закидывали себе на предплечья.

В заднем кармане звякнул телефон. Я достала его и прочла сообщение.

СКХ:

Не забудь про субботнее мероприятие по сбору средств.

Сейлор:

Кто это?

СКХ:

А со сколькими людьми ты собираешься идти на мероприятие?

Сейлор:

Хантер? Ты добавил себя в мой список контактов?

СКХ:

Тот факт, что я в нем, говорит сам за себя.

Сейлор:

Как ты посмел трогать мои вещи!

СКХ:

Спокойно, красотка. Я не трогал твой телефон.

Сейлор:

Тогда как ты в него влез?

СКХ:

Попросил друга-хакера добавить меня в список твоих контактов.

Сейлор:

ЧТО?

СКХ:

Тебя проще шокировать, чем британскую герцогиню шестнадцатого века. Остынь, Кэррот Топ. Я не копался в твоих файлах.

СКХ:

(все равно не нашел бы там ничего интересного).

Сейлор:

Ты хоть понимаешь, что это противозаконно?

СКХ:

Поправь меня, если ошибаюсь, но что-то я не помню, чтобы твой отец приходился одним из девяти судей Верховного суда.

СКХ:

Старший брат, похоже, тоже не стремится получить юридическое образование.

Сейлор:

Я тебя убью.

СКХ:

Вставай в очередь, милая. Ты неходишь даже в первую двадцатку желающих.

СКХ:

И ты все еще не ответила насчет субботы. Кстати, туда нельзя приходить в лосинах и толстовке. Особенно под руку со мной.

Сейлор:

Давай немного отойдем от темы: что значит СКХ?

СКХ:

Сексуальный Красавчик Хантер, естественно.

Сейлор:

У меня просто нет слов.

СКХ:

Говорят, одна фотография стоит тысячи слов. Пришли обнаженку.

Сейлор:

Сомневаюсь, что смогу терпеть тебя несколько часов подряд.

Перси и Белль расхохотались в дальнем конце комнаты, привлекая мое внимание. Я оторвала взгляд от телефона, как вдруг меня осенило. Так я смогла бы частично решить проблему с благотворительным мероприятием. Я принялась печатать, пока Хантер не успел прислать мне еще одно ехидное сообщение – возле его имени на экране уже плясали три точки.

Сейлор:

Я хочу пригласить на благотворительное мероприятие двух своих подруг, но оплачивать счет придется тебе.

СКХ:

Чую, запахло переговорами.

Сейлор:

Я не позволю тебе пить или мутить с кем-то в нашей квартире.

СКХ:

Ты не очень-то успешно меня уговариваешь, КТ.

КТ? Кэррот Топ. Чтоб тебя!

Сейлор:

Чего ты хочешь?

СКХ:

А что ты предлагаешь?;))

Я задумалась. Белль и Перси обсуждали, какие сделают мне макияж и прическу. Да. Их присутствие снимет напряжение, и так рядом будет кто-то, кто сдержит меня, когда я буду готова наброситься на Хантера и убить его. К тому же они любили модные мероприятия. Они отлично проведут время.

Сейлор:

Можешь выпить одно пиво.

СКХ:

Прости, но похоже, что мне двенадцать?

Справедливое замечание, но мне совсем не хотелось слишком сильно нарушать правила.

Сейлор:

У меня привлекательные подруги. Провести время в их компании будет уже приятно.

СКХ:

Нет ничего лучше, чем трепаться с привлекательными девчонками, когда ты практикуешь воздержание, черт возьми. Поднимай ставки, КТ.

Сейлор:

Прекрати так меня называть!

СКХ:

Прекрати быть на него похожей!

Сейлор:

Может, просто скажешь, чего ты хочешь?

СКХ:

Я уж думал, ты никогда не спросишь. Поцелуй.

Сейлор:

От кого?

СКХ:

Банши с огненными волосами.

В груди зародился теплый трепет, готовый вырваться на волю, и я сделала резкий вдох, чувствуя, как все тело покалывает. Надеюсь, это был сердечный приступ, который я явно заслужила за то, что допустила мысль о поцелуе с ним.

Сейлор:

Почему? Ты называешь меня Кэррот Топом и считаешь противной.

Я почувствовала, как вспотели кончики пальцев, пока я печатала.

СКХ:

Кэррот Топ не противный. На самом деле, он вполне забавный для тысячелетнего мужика. Да или нет?

Сейлор:

Это жульничество. Ты должен практиковать воздержание.

СКХ:

Между поцелуем и сексом целая бездна. А точнее, то визуальное оскорбление, которое ты называешь одеждой.

Сейлор:

Ты отвратителен.

СКХ:

А у тебя возникло искушение. Ты хочешь испытать, каков я в постели. Узнать, из-за чего столько шума.

Сейлор:

Не надо вкладывать свои слова в мои уста.

СКХ:

А как насчет кое-чего другого?;))

Сейлор:

Ты даже смотреть на меня не можешь. Ты уже пять дней меня не замечаешь.

СКХ:

Я уже пять дней не смотрелся в зеркало, старина. Обстановка была напряженная.
ДА ИЛИ НЕТ?

Сейлор:

Когда?

СКХ:

Как только подвернется подходящий момент. Я решу.

Сейлор:

Без языка.

СКХ:

С языком, без ласк.

Сейлор:

Я ТЕБЕ ДАЖЕ НЕ НРАВЛЮСЬ.

СКХ:

Господи, а это здесь при чем? Ты единственная доступная мне женщина.

Сейлор:

Спасибо.

СКХ:

Пожалуйста.

Сейлор:

Поцелуй ничего не будет значить.

СКХ:

Надо было сказать об этом, пока я не распечатал наши свадебные приглашения. Надень платье.

– Мы нашли его! – взвизгнула Перси, размахивая одним из платьев.

Я подняла взгляд, чувствуя, как горят щеки, и не сомневаясь, что вид у меня был такой, будто я вот-вот взорвусь.

– Ух ты. – Эммабелль бросила ворох одежды на пол, приковав взгляд к моему лицу. – Сейлор, почему у тебя такой вид, будто ты только что получила приглашение на собственные похороны?

– Потому что... – Я оторвала зубами еще один, последний кусочек омертвевшей кожи с большого пальца. – Похоже, именно это и произошло.

Седьмая

Сейлор

Едва я сообщила Белль и Перси о том, что они идут на сбор средств вместе со мной и Хантером, то чудом не оглохла от их визга. Когда этот день настал, они заехали ко мне за несколько часов до мероприятия, похожие на современных богинь. Перси надела романтическое белое платье, а Белль красовалась в платье-мини леопардовой расцветки. Они нарядили меня в розовое винтажное платье с открытыми плечами и вырезом сердечком. Цветочный орнамент волшебным образом подчеркнул мои несуществующие изгибы, а Перси собрала мои волосы в небрежный, но сексуальный пучок, оставив волнистые пряди обрамлять лицо. Эммабель сделала мне макияж, и оказалось, что телесные оттенки и обильная подводка вокруг глаз больше всего подходили к моему бледному лицу и рыжим волосам. К тому времени, когда Хантер проснулся и засунул свое тело Адониса в костюм, я выглядела лучше, чем когда-либо.

Забавно, что Хантер считал себя тупым, а я себя – непривлекательной, и именно эти полярные комплексы сделали нас врагами. Я презирала его за внешность, а он считал меня непривлекательной занудой.

Хантер вышел из своей комнаты, с хмурым видом застегивая запонки, но все еще не завязав черный бархатный галстук-бабочку. Как только он заметил нас в гостиной, где Эммабель, наклонившись, наносила блеск на мои губы и мы втроем наслаждались лучами солнца, струящегося через стеклянную стену, то резко остановился.

– Твою мать. – Он тихо присвистнул.

Мы втроем подняли головы и посмотрели на него. У Перси перехватило дыхание от его величественной красоты. Могу сказать, что Белль, у которой расширились зрачки, неторопливо раздевала его взглядом.

– Я же говорила, что они красотки. – Я прокашлялась.

– Я вообще-то на тебя смотрю, Кэррот Топ. – Он уставился на меня, отчего все вокруг нас растворилось на заднем плане. Его взгляд излучал жар, способный меня погубить. В это мгновение мне хотелось, чтобы так и вышло. – Без обид, девочки.

– Никто не обиделся. – Эммабелль заговорщически улыбнулась.

– Я обращался к сиськам Сейлор.

В ответ ему раздался дикий смех моих подруг. На миг лишившись способности произносить слова, я повернулась к Белль. Мы встретились взглядом, и ее глаза заблестели от озорства и восторга.

«Как в диснеевском фильме, – проговорила она одними губами, выпрямившись во весь рост. – Заставь принца влюбиться. Захвати замок. Стань его королевой».

Она окончательно выжила из ума.

– Готовы? – спросил Хантер, завязывая галстук одной рукой, пока шел на кухню, чтобы налить себе кофе. Я забыла, что он воспитывался как герцог и умел проделывать всякие сексуальные штучки, как, например, завязывать галстук одной рукой.

– Да! – завизжали Перси и Белль.

– КТ? – Он глянул на меня из-под ресниц. Снова взялся за старое после того, как всю неделю пропадал неизвестно где.

– Когда ты прекратишь так меня называть?

– Хм, думаю, никогда.

Я оставила подруг пообщаться с моим соседом, а сама на время отошла, стараясь успокоить сердцебиение, чтобы выпить два стакана воды, а затем тут же об этом пожалела. Похоже, писать в этом платье сложнее, чем обеспечить себе место на Олимпийских играх.

Поездка до отеля «Рузвельт» проходила за оживленной болтовней. Белль и Перси спрашивали Хантера о жизни в Калифорнии. А он не только отвечал, а, казалось, проявлял искренний интерес к их жизни и учебе. К тому времени, как лимузин остановился возле отеля, невесело было только мне.

Водитель открыл дверь, и мы все вышли из салона. Немного истеричная координатор мероприятия в черном наряде встретила нас в вестибюле и представилась моим друзьям как Пенни.

– Я займу вас на секунду, чтобы подготовить ваши билеты и записать имена для розыгрыша главного приза. Спасибо вам за поддержку фонда «Школа – это круто»!

Мне не хватило духу сказать Пенни, что мои подруги не пожертвовали на это дело ни одного доллара, и я почувствовала, как от паники сдавило горло, когда светловолосая парочка помчалась вместе с ней в дальний конец вестибюля.

Хантер стоял рядом со мной, сунув руки в карманы и не сводя с них глаз.

– А ты не преувеличивала. Они и правда привлекательные.

– Умопомрачительно.

– Не искушай меня после такой недельки.

– Как ты смог заплатить за билеты? – Я облизнула губы, понимая, что просить кого-то выложить за твоих друзей десять тысяч долларов – дурной тон. Но ведь все ради благотворительности. А для такого парня, как Хантер Фитцпатрик, десять тысяч долларов – ерунда.

– Сказал отцу, что задолжал денег местному наркодилеру.

Я подавилась слюной.

– А это правда?

Он оторвал взгляд от моих подруг и хмуро посмотрел на меня.

– Да что с тобой, блин, такое? Нет у меня никакого дилера. Как и проблем с наркотиками. Мне просто нужно было уладить этот вопрос. Па никогда не упустит возможность подумать обо мне плохо. Если бы он мог найти этого дилера и уговорить его подмешать мне в дурь кишечную палочку или цианид, он бы это сделал.

– Не могу его винить, – пискнула я.

Но на самом деле могу. Хантер был не таким уж плохим. Злобным он уж точно не был.

– На твоём месте я бы не стал это делать.

– Что именно?

– Так страстно меня ненавидеть. У меня встает от твоей злости, а еще меня ждет поцелуй, который я могу получить, когда захочу.

Иишиши он снова стал говнюком.

– Не когда захочешь. Люди могут увидеть, как мы сосемся. – Я вытерла взмокшие ладони о платье, оглядывая роскошный вестибюль.

Мраморные полы были цвета розового золота, шторы – бледно-розовыми, а мебель – цвета шампанского.

Дело вовсе не в том, что у меня не было сексуального опыта. Как ни странно, у меня был парень во время учебы в предпоследнем и последнем классах. Бо тоже занимался стрельбой из лука. Мы учились в одной школе и посещали один и тот же стрелковый клуб. Никогда не ходили на вечеринки, а я никогда не разговаривала с ним в школе. У него была своя компания, и он тоже не искал общения со мной. Но мы часто тренировались вместе по вечерам. Иногда после этого ехали к нему, смотрели кино и целовались, а потом, когда стали старше, занимались сексом. Но мы никогда не давали происходящему между нами названия, не дарили друг другу подарки и не отмечали День святого Валентина.

Даже наше расставание не было эмоциональным. Просто однажды он сказал мне, что получил стипендию в колледж в Канаде с конкурсной программой по стрельбе из лука и принял ее. Я была искренне рада за него, в чем, как мне казалось, и был смысл симпатии к другому человеку. Но когда я сообщила эту прекрасную новость маме и сказала, как здорово, что Бо переедет в Канаду, она посмотрела на меня так, будто я сбежала из психушки, а потом заставила есть мороженое и смотреть с ней «Валентинку».

– Уже даже сосемся? Как быстро стали развиваться события. Все дело в костюме? – взгляд Хантера снова устремился к Перси и Белль.

Я задумалась, как много он бы сейчас отдал, чтобы заменить меня одной из них.

Наверное, много. От этой мысли меня затошнило.

– Помогло то обстоятельство, что мы почти неделю не разговаривали. – Я принялась ртыться в черной бархатной сумочке, которую одолжила у Белль, делая вид, будто что-то ищу.

– Надеюсь, этот поцелуй будет стоить десяти тысяч, – хмыкнул он.

– Никакой поцелуй столько не стоит, – фыркнула я, защелкнув сумочку.

Хантер повернулся посмотреть на меня, весь собранный и бесстрастный.

– Очевидно, что тебя никогда не целовал Фитцпатрик.

– А тебя целовал? – парировала я, подняв бровь. – Это был твой брат или сестра? Надеюсь, что брат. Люблю движуху между парнями.

Он запрокинул голову и так безудержно расхохотался, что его смех эхом отразился от стен. К нам направилась группа людей. Я сразу же их узнала: Фитцпатрики.

Отец Хантера был высоким и грузным, а мать обладала легкой комплекцией. Старший брат был похож на порочно красивого злодея, а сестра, напротив, точь-в-точь на застенчивую Белоснежку. В отличие от братьев, Эшлинг не была светловолосой. Ее волосы были цвета воронова крыла, что лишь подчеркивало ее сияющие васильковые глаза. Все семейство было безупречно одето, и, за исключением Эшлинг, все в разной степени пребывали в кислом настроении.

Я напряглась, увидев, что они идут к нам. Подумывала развернуться и убежать. Должно быть, Хантер это почувствовал, потому что внезапно его рука легла мне на поясницу. Она едва прикасалась ко мне, но все равно каким-то образом поддерживала.

– Сделай глубокий вдох, – прошептал он спокойным голосом. – Помни: они просто люди. Они дышат. Едят. Пердят – порой громко, и, отвечая на твой вопрос: да, мы с Киллианом постоянно целуемся в засос, и он слишком активно орудует языком. – Настал мой черед подавить смешок.

Когда семья Хантера остановилась перед нами, он представил нас друг другу, хотя мы уже встречались.

– Сейлор, знакомься – мой отец, Джеральд. – Он жестом указал на отца.

Я пожалала его твердую, сухую ладонь.

– Рада снова с вами встретиться. – Я постаралась выдавить искреннюю улыбку.

– Пока неясно, могу ли я сказать то же самое о тебе, – проворчал он, за что схлопотал от жены предостерегающий толчок локтем. – Как ведет себя мой сын? Надеюсь, лучше, чем на работе.

– Безупречно, – резко ответила я, почувствовав, как Хантер сильнее надавил ладонью мне на спину. И это было правдой. В те редкие моменты, когда мы виделись, он был на пути истинном.

– Рада видеть тебя снова. – Джейн сжала мою ладонь в своих, устало улыбаясь. Она всегда выглядела грустной. – Большое спасибо за то, что ты делаешь.

– Мам, – простонал Хантер.

Я рассмеялась.

– Мне это в радость, миссис Фитцпатрик.

Когда Киллиан сжал мою руку мозолистой ладонью, я подняла взгляд, и мое сердце замерло. Его красота была так же безжалостна, как и выражение его лица. Не припомню, чтобы когда-нибудь видела кого-то настолько нещадно равнодушного, включая моего отца. При всех своих социопатических наклонностях Трой Бреннан обожал мою маму и нас с Сэмом. Киллиан Фитцпатрик выглядел так, будто его ничто не могло пронять, в том числе танки и бомбы.

– Мисс Бреннан, во что вы ввязались? – ухмыльнулся он, обнажив идеальные зубы.

Как я поняла, он совсем не верил в это соглашение. Воздержавшись от того, чтобы ударить его по яйцам на людях, чувствуя успокаивающее прикосновение ладони Хантера, я улыбнулась.

– Вы спрашиваете или на что-то намекаете?

Он посмеялся, будто я была очаровательным малышом, который повторил за взрослым непристойное слово.

– Она отвечает. Впечатляюще. Ты уже продемонстрировала больше индивидуальности, чем мой брат за все свои девятнадцать лет.

– В ней больше индивидуальности, чем можно отыскать во всех твоих богатеньких любовницах-европейках вместе взятых, – парировал Хантер. – А быть задницей – это не проявление индивидуальности. Задница – это мышца. Так что по сути, ты просто тупица.

– Хантер! Киллиан! – воскликнула их мать, но в ее голосе не было слышно ни настоящей силы, ни авторитета.

Мама гонялась за нами с Сэмом по всему парку, когда мы плохо себя вели, но все равно пускала нас в пентхаус, хотя мы на него даже смотреть не могли, потому что он напоминал нам о том, как мы подолгу просиживали там в качестве наказания. Мама любила нас безгранично, но, когда ругала нас, мы ее слушали. Я заметила, что Джеральд наблюдал за нашим диалогом со сдержанной улыбкой, будто наслаждался таким поворотом событий.

Напоследок меня представили Эшлинг, которую я и так вроде как помнила. Когда я была ребенком, она казалась мне единственным приятным человеком в их семействе.

– Привет. – Я протянула ей руку. – Я Сейлор.

– Я знаю. – Она покраснела, потупив взгляд, и пожалала ее. – Ты дружишь с сестрами Пенроуз, да?

– Да! – У меня загорелись глаза. – Если честно, они пришли сюда вместе со мной. Ты знакома с ними?

Я знала, что Эшлинг было семнадцать – на год меньше, чем мне. Она училась в частной школе за городом. По Бостону ходили слухи, что после рождения Киллиана Фитцпатрики очень хотели девочку, а когда родился Хантер, их мать старалась забеременеть как можно скорее, чтобы родить заветную дочку.

Эшлинг робко кивнула.

– Вроде того. Я знаю, что прошлой зимой вы втроем помогали расчищать снег у входа в дом престарелых и спасли кому-то жизнь. Об этом писали во всех местных новостях. Я подумала, что это было очень круто. – Она стала совсем пунцовой.

Я почувствовала, как Хантер в удивлении устремил на меня взгляд.

– Это правда? – спросил он.

– Некоторые люди вносят вклад в общество, *ceann beag*, хочешь верь, хочешь нет, – сказал Джеральд.

Мужчины в семье Хантера начали всерьез действовать мне на нервы.

– Можешь присоединиться к нашей компании, если хочешь, – предложила я Эшлинг, которая воспользовалась случаем и впервые посмотрела мне в глаза. Она прижала ладонь к щеке.

– Ох, я не хочу вам мешать...

– Ерунда! – Я потянула ее за руку. – Все легче стерпеть, когда рядом хорошие люди. – Мой взгляд многозначительно метался между Киллианом и его отцом.

Уверена, что всем в отеле «Рузвельт» был слышен наш смех, когда мы вдвоем помчались к моим подругам, держась за руки и убегая от мужчин семьи Фитцпатрик и бедной Джейн, чей взгляд я чувствовала спиной.

– Предательница, – пробормотал Хантер позади, и я печально рассмеялась, зная, что он тоже меня предаст.

С более красивой и более подходящей девушкой.

Мероприятие началось довольно гладко.

Мы с Белль, Перси и Эшлинг взяли тарелки и ели в углу зала, оживленно болтая. Сначала о Лоре Хартфилд, девушке, которая училась в той же школе, что и мы с Перси и Белль, и тоже присутствовала на мероприятии. Ей был двадцать один год, и сейчас она стояла под руку с полным бизнесменом пятидесяти с лишним лет, а на ее пальце мерцал бриллиант размером с мой кулак.

– А сейчас Канье, конечно, не сказал бы, что она охотница за деньгами. – Белль с прищуром следила за каждым их движением. – Хотя не связывается с теми, кто на мели¹⁸.

– Может, она его любит, – заметила я.

Мы с Перси вдвоем успокаивали монстра сплетен, когда Белль высказывала свое мнение о других людях. Единственные знакомые Белль фильтры были связаны с социальными сетями, пусть даже в большинстве случаев она была абсолютно права.

¹⁸ Строчки из песни Канье Уэста «Gold Digger», в переводе: «охотница за деньгами».

– Как кстати она влюбилась в мультимиллионера средних лет, у которого нет волос, зато зубы размером с кирпичи и четыре подбородка. И который, по слухам, оставил бывшей жене три поместья и сотню миллионов долларов при разводе, – прошептала Эммабелль.

Мы втроем повернулись и испуганно на нее посмотрели.

– Бросьте, – рассмеялась Белль, качая головой. – Она сейчас испытывает удовольствие разве что с вибратором.

– Это печально. Я бы ни за что не вышла замуж из-за денег, – размышляла Эшлинг, откусывая по кусочку от мини-пирога с заварным кремом.

– Потому что у тебя их и так полно, – брякнула Перси и тут же покраснела под слоями макияжа.

Эммабелль покачала головой.

– Нет, я бы тоже никогда не вышла замуж ради денег, а я работаю в магазине одежды по выходным и ищу пустые бутылки в мусорных баках соседей, чтобы выручить лишний доллар.

– Я бы тоже никогда. – Перси разгладила подол платья на бедрах.

Все взгляды устремились ко мне. Я продолжила дотошно ковырять обжаренную брокколи, жалея, что не выбрала блюдо получше. Для ужина за пять тысяч долларов кухня явно не стала выкладываться на полную. Несмотря на мою худобу, я была равнодушна к еде.

Наконец Белль ткнула меня в ребра.

– Ну?

– Что? – нахмурилась я.

– Если ты не заметила, среди нас четверых возникло спонтанное соглашение: ни за что на свете не стать такими, как Лора Хартфилдс, быть с парнями только по любви и следить за тем, чтобы мы все сдержали свое обещание. Ты с нами или нет?

Перспектива быть с кем-то, а тем более из меркантильных соображений, казалась мне такой же невероятной, как и жизнь на Марсе.

– Да. – Я отправила брокколи в рот и принялась жевать, не чувствуя вкуса. – Конечно. Я никогда не буду ни с кем, кроме как по любви.

– Тогда договорились. – Перси протянула руку в центр стола. Мы все опустили поверх нее ладони. Было ужасно неловко, но по-своему забавно.

– Быть классными! – воскликнула Перси.

– И настоящими, – тихо добавила Эшлинг.

– И никогда не быть с козлом ради пары туфель Louboutin, которые можно достать в мясной лавке, – гортанно рассмеялась Белль.

Услышав последнее заявление, Эшлинг окинула нас озадаченным взглядом. Когда веселье угасло, все посмотрели на меня в ожидании, когда я внесу свою лепту.

Я подумала о том, чего хотела – о единственном, чего желала от своей настоящей любви.

– Быть с тем, кто любит тебя такой, какая ты есть, и взаимно.

Мы вместе сжали руки. Было очень похоже на конец чего-то прежнего.

Но в то же время и на новое начало.

После того как мы заключили соглашение, Эшлинг призналась, что в школе для девочек у нее было очень мало подруг, и она рада, что окончит ее в этом году и поступит в другое заведение.

Белль приняла ответственное решение пригласить ее на наши еженедельные пятничные посиделки, чему мы с Перси были только рады.

Всякий раз, когда я бросала взгляд на столик Фитцпатриков, он всегда был окружен гостями, которые подходили поздравить Джеральда и Киллиана и пожать им руки. Эшлинг сказала, что поводом стал новый нефтеперерабатывающий завод в Мэне. А еще добавила, что его строительство шло не по плану и беспокоило ее отца.

Хантера то и дело игнорировали. Он гонял еду по тарелке и сидел в телефоне. Когда мать пыталась с ним заговорить, он делал вид, будто не слышит ее, или давал односложный ответ. Я пыталась подавить чувство вины и не отправлять ему сообщений. Парень сказал, что хочет затащить меня в постель лишь потому, что я была единственной доступной ему женщиной, а я все равно ему сочувствовала.

Я извинилась и отошла в уборную. Потратила десять минут на то, чтобы задрать все юбки до талии и пописать. Пока я поправляла ворох ткани, до меня донеслись голоса снаружи кабинки.

– ... пришел с дочерью Троя и Спэрроу Бреннан. Салли? Стефани? Как-то там на «с». – Женщина цокнула языком.

– Сейлор. Хотя брат у нее аппетитный, – рассмеялась другая.

– Он приемный и слишком уж бесшабашный. Богатый, красивый, но с плохой родословной. Спасибо, не надо.

– Я видела ее в рекламе на автобусе в центре города. Думаешь, они вместе?

– Сейлор с Хантером? Быть не может. Он же само олицетворение секса, а она... хм, отличная реклама контрацептивов. – Смех. Много-много смеха.

– Серая мышь, – согласилась первая. – Но они пришли вместе, и ходят слухи, что живут тоже вместе.

– Может, он проиграл спор, – брякнула вторая, судя по звуку, копаясь в косметичке.

– А может, у него закончились женщины, с которыми можно переспать, – захихикала другая.

– Ей стоит наслаждаться, пока есть возможность. Он меняет девок, как перчатки. Сомневаюсь, что она сможет поддерживать его интерес. Ты видела его секс-видео? Горяченькое.

Я спустила воду и громким шагом вышла из кабинки. Безмятежно улыбнулась им, выдавливая мыло в ладонь, и поймала в зеркале их полные ужаса взгляды, когда они поняли, кто я такая. На вид им было чуть за двадцать, обе надели облегающие откровенные платья и застыли с шокированным выражением лица испуганных коал.

– Дамы, я так рада, что Сэм вас не интересуется, поскольку, зная моего брата, могу сказать, что он никогда не обратил бы на вас внимания. А что касается Хантера, то он тоже слишком хорош для вас. Но я обязательно введу его в курс дела обо всем, что вы сегодня обсуждали. И его брата Киллиана тоже.

– Погоди, ты знаешь Киллиана? – спросила та, что была с фальшивыми сиськами.

– Разумеется, – кивнула я. – Мы только что обсуждали достоинства женщин с натуральной грудью, которые избегают сплетен. Ну, счастливо! – Я развернулась и зашагала прочь на дрожащих ногах.

Через десять минут после происшествия в туалете, о котором я не стала рассказывать подругам, ведь было совершенно незачем вновь переживать это унижение, заиграла музыкальная группа, начав с песни «Twist and Shout».

Белль как угорелая понеслась на танцпол. Она не умела танцевать твист. Но недостаток навыков не мешал моей лучшей подруге попробовать что-то новое. Мне нравилась эта ее черта. Оттого она всегда становилась самым интересным человеком среди присутствующих.

Перси и Эшлинг были увлечены жаркой беседой о реалити-шоу, о которых я никогда не слышала, а я подпитывала своего внутреннего гремлины саморазрушения, копаясь в телефоне и читая статью о Лане Альдер, которая, судя по всему, получила небольшую роль в очередном голливудском фильме. Я сделала глубокий вдох, пытаясь совладать с завистью, от которой грудь распирало, словно воздушный шар, пока просматривала ее фотографии со съемочной площадки. Не знаю, как ей это удавалось, как она оставалась сосредоточенной на своем деле пока путешествовала, давала интервью, запускала линейки спортивной одежды и снималась в кино.

Перед глазами возникла рука, и два пальца щелкнули, чтобы привлечь мое внимания. Я оторвала взгляд от экрана телефона.

Хантер.

– Потанцуй со мной, КТ.

– Зачем? – спросила я, глядя на него в замешательстве.

У меня обе ноги левые и координация сбитого на дороге зверя. Я не смогла бы танцевать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Я пробовала танцевать лишь раз на единственной вечеринке в десятом классе, и подверглась основательному унижению. Люди сняли, как я танцую, на камеру, а потом разослали видео половине моей школы. На дверце моего шкафчика написали «Сутулая Сейлор». Видимо, моя спина выглядела сгорбленной и провисшей, когда я танцевала.

– Затем... – тихо сказал он, опустив голову и глядя на меня тлеющим взглядом. – Тебе явно скучно, и моя семья наблюдает за нами, а я не прочь тебя потискать.

– Это все из-за платья, – прошептала я.

– Вообще, я предпочел бы сделать это без него.

Искося глянув в сторону, я заметила, что Эшлинг и Перси не уловили нашего с ним диалога. Теперь они смотрели видео, наверняка с реалити-шоу, о котором спорили. Но, пускай Хантер пригласил меня всего лишь на дружеский танец, чтобы показать нашим семьям, что мы с ним хорошо ладим, я не могла оторвать зад от стула.

– Никаких тисканий. – Я скрестила руки на груди, стараясь выиграть время.

– Ничего не могу обещать. Вставай.

– Ты кому-нибудь говорил, что мы живем вместе? – упрекнула я, прищурившись.

Он уставился на меня во все глаза, приоткрыв рот.

– Не-а.

– А что мы встречаемся, кому-то говорил?

– Это самая паршивая игра в двадцать вопросов, в которой я участвовал. Нет.

– Ну а люди о нас болтают.

– На то они и люди. Заполняют пространство бесполезными словами, чтобы развлечь друг друга. Это называется сплетнями, и это величайший в мире отстой. Но это не значит, что их пустил я. В нашем здании работает больше сотни человек. Все они сотрудники моего отца. А это значит, что он распространяет среди них любую информацию, какую пожелает.

– Люди будут думать, что я твоя... твоя... – Я не могла произнести эти слова. Они звучали неправильно и грязно даже в моей голове.

– Подружка по потрапушкам? – подсказал он, усмехнувшись и наверняка наслаждаясь тем, как мое лицо меняет цвет, словно рекламная вывеска.

Я закатила глаза.

– Да.

– Не стоит благодарности. К концу этих шести месяцев твои активы взлетят до небес. А теперь давай потанцуем.

Я огляделась вокруг, чувствуя, как лоб покрывается испариной, а сердце ускоряет ритм. Мне не хотелось вставать и демонстрировать ему, как ужасно я танцую. Хантер протянул ко мне раскрытую ладонь, не оставив иного выбора, кроме как взять ее.

Но все же я этого не сделала.

– Мне еще долго стоять и ждать? Спрашиваю для друга по имени «мое эго», – заметил он.

Я почувствовала, как напряглось горло, но не смогла проглотить вставший от тревоги ком.

Сутулая Сейлор в паре с самым завидным миллиардером Бостона.

В большинстве случаев я могла сделать вид, будто мы с ним просто два случайных человека, которые делят одно пространство. Но сейчас, когда было очевидно, что мы приехали вместе, я чувствовала, как все разглядывают меня, пытаюсь понять, что Хантер во мне нашел.

«Ничего, – хотелось мне закричать в ответ. – Ничего он во мне не нашел, потому что во мне ничего нет. Его вынудил отец».

– Сейлор? – Хантер нахмурился, мои увивания явно перестали его забавлять.

Я буркнула себе под нос.

– Что ты сказала? – переспросил он.

Я повторила чуть громче.

– Я тебя не слышу.

– Я не умею танцевать! – Я раздраженно взмахнула руками и покраснела так сильно, что даже кожа головы начала гореть. Живое выступление группы заглушило мой возглас, но мне все равно хотелось умереть на месте. – Я не хожу на вечеринки. Не тусуюсь. Не танцую. Я не умею... не умею...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.